

ОЛЕГ
АГРАНЯНЦ

ТЕНЬ НАРКОМА

Олег Агранянц
Тень наркома
Серия «Мефистофель
возвращается», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5825066
Тень наркома: Издать Книгу; Москва; 2013

Аннотация

Роман «Тень наркома» продолжает остросюжетную трилогию «Мефистофель возвращается».

Евгений – значит благородный. Любимое имя Пушкина. И неслучайно героя романа Олега Агранянца тоже зовут Евгений. Да, он благороден и честен, порой даже немного наивен. И эти его черты удивительно точно сочетаются с тайной – своеобразным знаком Зодиака Евгения Лонова. Он на службе у ее величества Тайны и призван как можно шире открывать ее завесы, срывать ее покровы, постигать ее глубины, ибо он – служитель разведки конца XX века.

Однако он настолько обаятелен и самобытен, настолько человечен и остроумен, что ни в какие привычные рамки образа разведчика не вписывается. Он царит в мире приключений, очаровывает женщин и очаровывается ими, идет по загадочному следу и выступает в роли режиссера и главного

исполнителя небольших спектаклей, призванных нокаутировать противников... Он хитрец, фантазер и мастер своего дела. А именно таких любит ее величество Тайна. Женщина по природе, подлинная интриганка, она благоволит к тем, кто умеет найти к ней свой подход. И дарит им разгадки. Хотя Евгению Лонову даются они не так уж просто, зато как изумителен вкус победы!

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
1. Будапешт	5
2. Попутчица	10
3. Путь до Рио	21
4. Рио	29
5. Начало новой жизни	43
Глава вторая	50
6. Сан Бартоломеу	50
7. Завтрак в горах	54
8. Первые шаги	60
9. Директор музея	63
Глава третья	70
10. Привет из дома	70
11. Прием	76
12. Лор Абиер	81
13. Обед	90
14. Падре	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Олег Агранянц
Тень наркома
Вторая книга трилогии
«Мефистофель
возвращается»

Часть первая
Глубокое залегание

Кто ищет, тот всегда найдет.
Но чаще всего не то, что ищет.

Глава первая
К новым берегам

1. Будапешт

Проснулся я от прикосновения к плечу. Передо мной стояла улыбающаяся стюардесса. Сквозь окно я увидел движу-

щийся трап.

– Уже Будапешт?

– Будапешт.

– Сколько будем стоять?

– Около двух часов. Прилетели на час раньше. Вы выйдете?

– Да. Я могу оставить здесь чемодан?

– Конечно.

Чемодан я оставил, кейс взял с собой.

Так уж получилось, что мне приходилось часто летать с посадкой в Будапеште. И я всегда заходил в бар транзитного зала. Это не было простым ритуалом: такого кофе, как в будапештском аэропорту, я не пил нигде. Даже в Риме. А уж там кофе готовить умеют.

Лысый бармен оказался на месте. Я помнил его еще со времен первой командировки в Алжир, лет двадцать тому назад. Тогда в будапештском аэропорту я в первый раз увидел «фри-шоп» и бар с иностранными напитками. Но если во «фри-шопе» купить можно было только на валюту, то бармен брал рубли. Делал он это тайком, советские об этом знали. Курс у него был божеским, и пассажиры из Москвы выстраивались в длинную очередь.

Может быть, именно из-за этих воспоминаний кофе здесь и казался самым лучшим.

Я взял чашку и сел за столик. Стоянка два часа. Торопиться некуда. Можно собраться с мыслями.

Проходя мимо висящего на стене телевизора, я видел те же кадры, что и полтора часа назад в Риме: Горбачев и Раиса, спускающиеся с трапа самолета, Ельцин на танке, толпы на улицах.

Что меня ждет в Москве? Стоит ли рисковать? Можно переоформить билет на другой рейс прямо здесь, в транзитном зале. Можно выйти в город и купить новый билет. Но Будапешт – не Рим, отсюда можно прямехонько в Лефортово.

Прилетел новый самолет. Из Москвы. Пассажиры, говорящие по-русски, облепили буфет, и до меня долетали обрывки фраз. Люди, одетые по-летнему, оживленно жестикулировали, что-то внушали друг другу. Ко мне никто не подсаживался. Сидел я по-прежнему один.

И в этот момент я увидел нечто.

Не обратить на нее внимание было невозможно: высокая, метр восемьдесят, не меньше, светло-русые волосы до плеч и большие голубые глаза плошками. И в довершение летнее ярко-красное платье, очень открытое – мои друзья называли такие «с залазом», груди не меньше третьего размера и крепкие стройные ноги в красных лодочках.

«Такого не бывает! – я покачал головой. – Такое можно только нарисовать. Уж больно хороша! Просто Мальвина».

Девушка в красном платье повертелась у бара, потом прошла во «фри-шоп».

Я посмотрел на часы: прошло уже почти полтора часа. «Еще минут тридцать», – вздохнул я.

Если бы это был не Будапешт! Кроме венгерского здесь ни на каком языке не объяснишься. Лет пять назад я чуть не заблудился в самом центре города. Хорошо, кто-то в Москве рассказал про службу переводчиков: если набрать по телефону-автомату «06» или «07», сколько именно, уже не помню, то к телефону подходит дежурный переводчик. Как «скорая помощь».

Мимо снова прошла Мальвина в красном платье. На этот раз совсем близко от меня. До чего же хороша!

И в это время я услышал голос рядом с собой:

– Как самочувствие, Евгений Николаевич?

Это говорил незнакомый человек в сером тропическом костюме. Я не заметил, как он подсел ко мне.

Я вздрогнул, но смотреть в его сторону не стал.

– Спасибо, хорошо.

– За событиями в Москве следите?

– Слежу.

– Вот такие там дела...

Я вздохнул.

«Кто он такой? Откуда взялся?»

– Такое творится, – он продолжал. – Памятник Дзержинскому снесли.

«Дальнейшее предположить нетрудно, – соображал я. – Следующая команда: оставьте кейс на месте, а сами идите на посадку. И что мне делать?»

– Возьмите посадочный, Евгений Николаевич, – человек

в сером костюме положил передо мной голубой транзитный посадочный билет. – Теперь он ваш.

Я взял. Вертелась мысль: «Зачем это? Что дальше?»

– А теперь положите на стойку ваш посадочный, – голосом, не терпящим возражения, приказал человек в тропическом костюме.

Я положил.

«Сейчас потребует кейс, – соображал я. – Но просто так кейс я не отдам».

– Торопитесь. Посадка уже началась, – человек в тропическом костюме взял мой посадочный. – Счастливого пути. Номер вашего рейса на посадочном талоне. Скажите стюардессе свое имя, и она покажет вам место. Дальнейшие инструкции получите в самолете.

И исчез.

Кейс остался при мне.

Я вертел новый посадочный талон и ничего не мог понять.

Что это может означать? Мне дали посадочный на другой рейс и оставили кейс. Оставили кейс! Что дальше? Дальнейшие инструкции получу в самолете. Какие? От кого?

«Прежде всего надо узнать, куда я теперь лечу», – соображал я.

Я встал, подошел к табло и стал искать номер рейса:

Лондон... Москва... Стокгольм... все не то. А вот и мой рейс. Рабат – Рио-де-Жанейро! Не ближний свет!

– Объявляется посадка на самолет Аэрофлота, следую-

ций рейсом Москва – Рабат – Рио-де-Жанейро, – объявили сначала по-венгерски, потом по-французски, потом по-русски.

Пассажиры толпились у посадочного отсека.

Надо идти.

У входа в самолет пассажиров встречала высокая черно-волосая стюардесса.

– Моя фамилия Лонов.

– Я вас проведу на ваше место.

Место оказалось у окна, снова в первом классе, только теперь во втором ряду. Рядом стоял мой чемодан. Позаботились!

Я устроился поудобнее, пристегнул ремень.

На соседнее кресло кто-то сел. Я повернул голову.

Рядом сидела девушка в красном платье, та, которой я любовался у бара. Мальвина.

2. Попутчица

Стюардесса показывала, как надо обращаться со спасательным жилетом. Соседка следила за ее движениями и сверяла их с рисунками на буклете, который держала в руках.

Я хотел предложить ей свое место у окна, но решил пока не отвлекать. Я искал глазами человека, который должен ко мне подойти. Но в первом классе кроме меня и Мальвины сидели только две ярко выраженные латинки. «Эти – нет, –

решил я. – Кто-то появится из другого салона. Или из экипажа».

Другая стюардесса, та, которая встречала пассажиров у трапа, подкатила тележку с напитками. Я взял бокал шампанского. Соседка пошепталась со стюардессой, и та принесла ей чашку кофе.

Потом: «пристегнуть ремни», «не курить»...

Самолет оторвался от земли, набрал высоту. Я искоса поглядывал на соседку, та продолжала изучать буклет. Я уже хотел начать разговор, но она опередила меня:

– Вы говорите по-португальски?

– Нет, – удивился я.

– Нам придется учиться.

Я не понял, почему она сказала «нам», а она продолжала:

– Говорят, это несложный язык. Вы знаете много языков, вам будет легче. Говорят, тому, кто знает много языков, легче изучать новый.

– А вы знаете какой-нибудь иностранный язык? – решил я перехватить инициативу.

– Практически никакого. Учила английский.

Она сокрушенно покачала головой. Ее большие голубые глаза стали еще больше. «Настоящая Мальвина!» – не переставал я удивляться.

Она положила буклет в отделение для газет и повернулась ко мне:

– Но португальский я выучу. Если что-то надо, я обяза-

тельно сделаю. Я вас уверяю, через два года мы будем свободно говорить по-португальски.

Это «мы» было уже во второй раз. И я осторожно спросил:

– Почему вы говорите «мы»?

Мальвина удивилась:

– Потому что мы будем изучать вместе.

Я удивился не меньше:

– Кто «мы»?

«Компания, что ли, какая?» – подумал я.

– Вы и я. Вдвоем.

– Вдвоем? Вы в этом уверены?

– Конечно.

– А кто вы такая?

– Как кто такая?! – еще больше удивилась Мальвина.

– Я ваша жена.

– Жена?!

Я залпом допил шампанское:

– Вы в этом уверены?

– Ну, конечно.

И она протянула мне зеленый дипломатический паспорт.

На второй странице – фотография Мальвины, и там, где «фамилия» и «имя»: Лонова Нина Георгиевна, супруга советника Министерства иностранных дел.

– Вот видите, – Мальвина излучала безмятежную улыбку.

Я внимательно изучил паспорт: все как у моей бывшей жены, только там, где год рождения, не 1950, а 1970.

Я рассматривал паспорт и соображал. Итак, кто-то определил Мальвину мне в компаньоны. Радоваться по этому поводу или печалиться? Дама она, по первому впечатлению, странная.

– Как вас зовут на самом деле?

– Нина.

– Это я уже прочел. Я хочу знать, как вас зовут на самом деле. Я должен знать настоящее имя своего компаньона.

– Не компаньона, а законной супруги, – поправила лже-Нина.

– Хорошо, супруги, я не отказываюсь. При ваших внешних данных отказаться от такого было бы ни с чем не сравнимой глупостью.

– Зовите меня Нина.

– Но ведь вас зовут иначе.

– Верно. Иначе. Но когда я что-нибудь делаю, то делаю серьезно. Я стала Ниной только сегодня утром. И сказала себе: все, я – Нина и никто больше. На два дня я – Нина. Нина. Нина Георгиевна.

– Ах, всего только на два дня! – обрадовался я. – Потом вы вернете свое имя.

– Да нет же! – Мальвина снова выглядела до крайности удивленной. – Через два дня нам с вами дадут другие имена, и мы забудем наши собственные. Навсегда.

– И какие нам дадут имена?

– Бразильские. – Она развела руками, что должно было

означать: ну какой же вы непонятливый.

Игра в вопросы и ответы мне надоела:

– Послушайте, расскажите мне все от начала до конца.

Мне сказали, что меня проинформируют в самолете. Я жду.

– Вас кормили в самолете до Будапешта?

– Нет.

– А нас кормили. И теперь снова кормить будут не скоро.

А вы голодный. Поэтому и злой.

– Да не злой я! Я хочу знать, куда мы летим! И что мы должны делать.

– Мы летим в Бразилию.

– Это я уже понял. Нас кто-нибудь встретит?

– Да.

– Кто?

– Не знаю. Нас встретят, и вы им отдадите ваш кейс.

«Ах, вот в чем дело! – понял я. – Кейс. Теперь понятно.

Кому-то понадобилось перевезти этот кейс в Бразилию, и перевозчиком оказался я. Но причем тут Мальвина?»

– Хорошо. Я отдам кейс, что дальше?

– Они дадут нам документы, деньги за то, что в кейсе, отвезут в маленький город, на первых порах помогут, пока мы будем изучать язык. И всё.

– И что я буду делать?

– Да что хотите!

– А вы?

– А я ваша жена.

– Понимаю.

К этому я уже начинал привыкать.

– Вас правда не кормили до Будапешта?

– Правда.

Она встала, подошла к стюардессе и принялась что-то втолковывать. Та отрицательно качала головой. Мальвина стояла на своем, стюардесса отказывалась. Потом они обе ушли, и через несколько минут Мальвина появилась с подносом:

– Рыба у них кончилась. А мясо разогрели.

«Хваткая девица, – оценил я. – С такой не пропадешь.

Но такая и свернет в рог. Кажется, я влип! Интересно, надолго ли?»

* * *

Я действительно очень хотел есть и ел с аппетитом. Мальвина смотрела на меня, как мать на сына, утром уплетающего манную кашу:

– Миленький, какой же ты голодный!

– Кстати, вы не хотите пересесть к окну? – Я вспомнил, что именно так хотел начать с ней разговор.

– Нет! – опять удивилась она. – Если бы я хотела, я бы попросила. Я всегда прошу, если что-то хочу. Это нормально.

– Нормально, – вздохнул я. «Ну и дамочку господь послал!»

– И не зови меня на «вы», я твоя жена.

– Я понял, что жена.

– Ну и прекрасно. Тебе чаю или кофе?

– Я попрошу.

– Так чаю или кофе?

– Кофе.

– Ты ни о чем не должен волноваться. Ты много поработал, устал. У тебя было трудное задание. Ты с ним справился. Теперь тебе надо отдохнуть. Я здесь, рядом. И сделаю все, что ты хочешь. Я твоя жена.

– Понимаю.

– Еще нет, – она покачала головой.

– Не могу же я тебе это доказать здесь!

– Этого здесь нельзя.

«А она еще и с сексуальным комплексом? – вздохнул я про себя. – Ну и попал!»

– Теперь ты можешь ничего не бояться. Все прошло. Никто тебя не найдет. Завтра у тебя будет другое имя.

«Интересно, за кого она меня принимает?» – думал я.

– А что я такого сделал, чтобы срочно менять имя?

– Я все знаю. И завтра забуду.

– А что сегодня ты помнишь? – Мне эта конспирация не нравилась.

– Я тобой горжусь.

– Все мои друзья мною гордятся.

– И я тоже.

«Ни малейшего намека на чувство юмора», – ужаснулся я. Она наклонилась ко мне и прошептала:

– Я знаю, ты выполнял важное задание и убил какого-то торговца оружием. Теперь тебе надо срочно исчезнуть навсегда.

Я отпал. Ну и легенду мне придумали!

Стюардесса принесла кофейник. Моя новая подруга жизни аккуратно налила кофе в чашку. Судя по всему, она была фанатично аккуратной.

Итак, я убил кого-то. Доказать обратное я уже не смогу. И пистолет, который я нашел в кейсе, конечно же, окажется тем, который ищут все сыщики Италии.

Мальвина не отставала:

– Ты хочешь поспать?

– После Рабата.

– У тебя есть, что читать?

– Нет.

– Ты хочешь, чтобы я к тебе не приставала?

– Нет, нет. Наоборот. Расскажи что-нибудь.

– Что? – она обрадовалась.

– Что-нибудь.

– Ты лучше отдохни, ты устал.

Я действительно устал. Я повернулся к окну и закрыл глаза.

Мальвина молчала, размеренно гудели моторы, но сон не приходил. Я повернулся на одну сторону, потом на другую.

Случайно моя рука упала на ее колено. Она ее подняла и положила на сиденье:

– Потерпи, не здесь же.

«Точно с сексуальным комплексом. С ее-то габаритами!»

– Нет, не могу заснуть.

– Хочешь яблоко?

– Нет.

– А что хочешь?

– Скажи, а в Бразилию мы надолго?

– Навсегда.

Ответила эдак простенько, как «на недельку до второго».

– И даже на пару дней не вырваться?

– Почему? Лет через пять, когда совсем привыкнем, можно будет куда-нибудь съездить. Если, конечно, ты сочтешь это неопасным. Если про тебя уже забудут.

– Пять лет! – перед моими глазами поплыли круги.

– Пять, – Мальвина положила мне под бок подушку.

– Через пять лет все забудется. Мы изменимся. Подрастут дети.

– Какие дети? – Я начал заикаться.

– Наши, – удивилась Мальвина. – У нас будет трое детей.

– Сколько? – я почти взвыл.

– Трое. Ты хочешь больше?

– Нет, пожалуй, троих хватит, – вздохнул я. «Так влипнуть!»

– Ты тоже хочешь троих? – она обрадовалась и взяла меня

за руку. – Ты не знаешь, в Бразилии зимой холодно?

«А у нее еще плохо с географией!»

– Вряд ли.

– Я тоже так думаю, но на всякий случай взяла шубу. У меня на сборы был всего один день. И я не знала, что брать.

Мальвина продолжала что-то рассказывать про шубу, а ее перебил:

– Можно еще раз взглянуть на твой паспорт?

– Пожалуйста, – она протянула паспорт, и я стал рассматривать визовые страницы.

Бразильской визы нет. Значит, Бразилия возникла в самый последний момент:

– У тебя тоже нет бразильской визы. Нас обоих вернут в Москву.

– Если мы скажем, что летим в Парагвай, нам дадут транзитную визу на два дня. А для нас самое главное – пройти полицейский контроль. На таможне нас проверять не имеют права. А после таможни нас встретят.

Нет, подготовлено тщательно, Мальвину с моим кейсом в Бразилии ждут серьезные люди.

– Ты действительно собирала вещи в один день?

– В один.

– Но ты знала, что поедешь. Не знала только когда?

– Да. Но все получилось так быстро.

– А когда ты узнала, что поедешь со мной?

– Я же твоя жена, с кем я могу поехать еще!

«Опять за свое! Прямо партизанка!»

То, что я нашел кейс, для ребят из моей конторы должно было быть неожиданностью. Но когда из посольства пришла шифровка о том, что я лечу в Москву с непонятной «диппочтой», мои дорогие начальники все поняли. Дальнейшее при нынешней суматохе – дело техники.

– Ты пить хочешь? – Прямо перед моим лицом снова возникли большие голубые глаза и круглое, как по циркулю, лицо.

«До чего у нее здоровая кожа. Просто кровь с молоком!»

– Нет, не хочу.

– Кофе или чай?

– Пожалуй, попозже.

– Ты расстроился, что придется пять лет сидеть в Бразилии? Но так нужно. Для тебя в первую очередь. Мы будем учить язык, ездить по стране, она большая, интересная, я о ней читала. Через пять лет мы изменимся, но не постареем. Потому что не будем волноваться. Стареют только тогда, когда много волнуются. Мы будем говорить только по-португальски. У нас будет хороший дом. В большом городе, но на окраине, где много зелени. И обязательно с бассейном. Чтобы дети могли купаться, когда жарко.

«Так влипнуть. И дороги назад нет».

– И мы поедem на пару недель большой семьей во Флориду или в Мексику. Лучше в Мексику. Во Флориду опасно.

«А ведь так все и будет, – думал я. – Эта Мальвина – рок.

Все, что она говорит, – сбудется».

3. Путь до Рио

Подошла стюардесса:

– В Рабате только техническая посадка. Пассажиры до Рио-де-Жанейро должны оставаться на борту.

«Все продумали, – злился я. – Чтобы не сбежал!»

Мальвина повернулась ко мне, взяла за руку:

– Самое главное, чтобы нам хватило денег. Как ты думаешь, сколько они дадут за камни?

Я даже не видел этих камней.

– Не знаю. Главное, чтобы не обманули.

– Нет, эти люди не обманут. Дадут настоящую цену. Но и не больше. А нам на них нужно прожить всю жизнь. Больше никто нам помогать не будет.

«Не так уж все радужно, – подумал я. – Не хватает еще остаться без денег! Интересно, знают они про пистолет и деньги в кейсе?»

– Там еще...

Я засомневался, говорить или нет. Но потом решил, никуда не денешься. Все равно придется при ней открывать кейс.

– Там еще есть деньги.

– Много?

– Много.

– Их надо оттуда вынуть. Не отдавать же кейс вместе с

ними!

Она повертела кейс в руках, потом вернула:

– Я сейчас.

И исчезла.

Вернулась быстро, с ножичком от маникюрного прибора, и принялась осторожно снимать с кейса пластилин.

Я набрал номера, кейс открылся.

– Ой! – она увидела пистолет. – Это тот самый?

Я удивился:

– Какой?

И потом совершенно непроизвольно выпалил:

– Да.

А сам подумал: «Ну, что я говорю! Дурак! Рисуюсь перед Мальвиной».

– Ты из этого? – она показала на револьвер. И погладила меня по колену. – Я горжусь тобой.

– Что будем делать с деньгами? – спросил я.

– Сейчас.

Она вынула из сумочки пару долларов и снова исчезла.

Вернулась тоже быстро. С белым полиэтиленовым пакетом какого-то «фри-шопа».

– Открой свой чемодан.

Я открыл. Она вытащила из чемодана пижаму, положила на дно фри-шоповского пакета, потом, осторожно приоткрыв кейс, взяла первую пачку, не торопясь, пересчитала и начала ловко перекладывать пачки в пакет. А когда купюры

кончились, прикрыла их сверху моими рубашками.

— Если во всех пачках столько же бумажек, как в первой, и все они по сто долларов, то это... — она закрыла глаза, считала в уме. — Это — двести тысяч. Это много?

— Да не очень.

Мальвина показала на пистолет:

— Его лучше отдать людям, которые нас встретят.

— Скорее всего. Только я не знаю, кто они такие.

— Я тоже не знаю.

— Где они нас встретят?

— Сразу после таможни.

— А если не встретят?

— Я знаю, как с ними связаться. У меня есть телефон.

— На них можно положиться?

— Да.

Она нашла мой швейцарский паспорт на имя Жильбера Мало.

— Это что?

— На это имя у меня в одном банке лежат деньги.

— Много?

— Точно не знаю.

— Их можно получить?

— Да. Надо будет перевести из банка во Франции в Бразилию.

Мальвина подумала самую малость:

— Сколько стоит во Франции... к примеру, «мерседес»?

– Около двадцати тысяч.

Она снова закрыла глаза. Потом:

– Можно купить двадцать «мерседесов», пригнать в Бразилию и продать. Это возможно?

До чего шустр!

– Возможно.

– За дорогу платить много?

– Да. Но когда покупаешь оптом, обходится дешевле.

– Вот видишь.

Швейцарский паспорт она положила к себе в сумочку.

– Лучше, чтобы все документы лежали в одном месте.

Паспорта, билеты. Дай мне твой паспорт.

Я протянул свой паспорт:

– А билета у меня нет.

Она удивилась:

– Как нет?! Вот он, твой билет.

И вытащила из сумки билет Аэрофлота.

Я не стал смотреть.

– Ты уверена, что бразильскую визу дадут?

– Уверена.

– Через таможенную пропустят?

– Там дипломатов никогда не досматривают.

Она аккуратно закрыла кейс, снова прилепила пластилин.

– Пойду отдам ножик.

На этот раз ее не было долго. Я закрыл глаза. В голове вертелись строчки:

«Под пальмами Бразилии, от зноя утомлен, шагает дон Базилио, бразильский почтальон».

Я задремал.

Сквозь сон услышал слова Мальвины:

– Не будите моего мужа, он только что заснул.

– Я не сплю.

Я открыл глаза. Передо мной стояла стюардесса с подносом:

– Кофе, пирожные, фрукты.

– Пожалуй.

Мальвина открыла мой складной столик, расстелила салфетку, потом раскрыла свой столик и тоже расстелила салфетку. Стюардесса поставила поднос сначала мне, потом ей.

Я ел банан и искоса поглядывал на Мальвину:

«Хорошо, что хоть красивую девушку подсунули. А то ведь могли и бабу-ягу. Страх – и только!»

Мальвина положила свой банан мне на тарелку.

– Зачем?

– Я обратила внимание, что ты любишь бананы.

– А ты?

– Я люблю смотреть, как люди едят с удовольствием. Кофе не пей, спать не будешь.

– А если захочу?

– Тогда пей.

– А если не засну?

– Я тебе колыбельную спою.

– Да ты просто идеальная женщина.

Мальвина положила руку мне на колено:

– Ты, наверное, думаешь, что я дурочка, что у меня нет чувства юмора. Это не так. Я просто очень устала. Очень-очень... Я собиралась. Одна. Все бросить...

– Я понимаю.

– Я, правда, не такая, как ты думаешь. Знакомые звали меня «совершенной женщиной». Но совершенных не бывает. Если бы я была совершенной, разве так у меня сложилась бы жизнь?!

– И как она у тебя сложилась?

Мальвина тряхнула головой:

– Но все будет хорошо. Обязательно!

– А тебя правда называли «совершенной женщиной»?

– Ну да.

– Кто?

– Многие.

– Почему?

– Я – не болтушка, не транжирка, хозяйственная, все всегда делаю аккуратно, друзьям не изменяю. Если что-то задумаю, непременно выполняю. Хорошо готовлю. Шью. И на внешность не жалуюсь.

– Про внешность – это верно, – согласился я. – А не боишься, что оказалась женой незнакомого человека?

– Брак по расчету чаще всего бывает более крепким, чем по любви, – уклончиво ответила она.

– Ты же меня совсем не знаешь.

– Верно. И очень боялась. Но один твой друг сказал, что ты самый лучший человек на свете и что он тебя готов рекомендовать по всем пунктам. Ты будешь пить кофе?

– Нет.

Она отдала подносы стюардессе.

– Ты отчаянная. Пуститься в такую историю с незнакомым человеком...

«И который намного старше тебя, – подумал я. – Лет на двадцать уж точно». Она словно прочла мои мысли:

– Мне никогда не нравились мальчики. Мне просто было с ними неинтересно. У меня всегда были знакомые лет на десять старше.

Она положила руку мне на плечо:

– Давай теперь отдохнем. Я правда устала.

– Давай.

«Интересно, какую легенду придумают про меня мои разлюбезные начальники? – думал я. – Убежал? Перешел в нелегалы?»

Я представил себе, как начальник управления говорит на совещании: «Евгений Николаевич переведен на другую работу. Если будут спрашивать, где он, отвечайте, что выполняет задание – и все». И все.

Мальвина закрыла глаза и сразу заснула.

Я тоже закрыл глаза.

«Под пальмами Бразилии, от зноя утомлен, шагает дон Ба-

зилио, бразильский почтальон».

Ну и влип!

Потом я тоже заснул, и мне приснился дом, а на доме вывеска: «Автомобильный салон. Новые “мерседесы”. Дон Базилио и сын. В бизнесе десять лет». Потом появились какие-то люди, и они говорили, показывая на меня пальцем: «Это владелец салона “мерседесов” синьор Базилио. У него очаровательная жена».

Я проснулся и открыл глаза. Мальвина тоже проснулась. Она взяла меня за руку:

– Скажи, ты меня не бросишь?

– Нет.

– Правда? Я же останусь одна. Я, правда, тебя совсем не знаю.

– Ну как же я тебя брошу! Мы теперь с тобой связаны.

– Я очень боялась все время. Все-таки незнакомый... И человека убил. А я с ним на всю жизнь... Но потом тебя увидела и успокоилась. Ты ведь убил, потому что так получилось. По-другому не мог.

– Хочешь, я тебе расскажу правду?

– Расскажи. Но только сегодня. Завтра у нас уже будет другая история.

– Хорошо, только сегодня.

Она поудобнее устроилась в кресле.

– Я никого не убивал. Но так подстроили, будто убил я.

– Честно?

– Честно. Так подстроили. Ты же видишь, как меня взяли.
Ни о чем не спросили.

– Вижу.

– Но как докажешь?!

– Я тебе верю.

Она поправила подушку у меня под боком:

– Мне правда хочется, чтобы у нас было трое: два мальчика и девочка. Мальчики – красивые и умные в папу. Девочка – красивая и глупая в маму.

«Нет, голубушка, ты совсем не глупа», – думал я.

– Давай еще поспим, – предложил я. – Завтра у нас трудный день.

– Очень трудный, – она вздохнула. – Завтра – новая жизнь.

– Новая, – согласился я.

– Ты правда меня не бросишь?

– Правда.

Она прижалась ко мне и быстро заснула.

«Как все-таки приятно чувствовать, что ты хоть кому-то да нужен!» – подумал я и с нежностью посмотрел на спящую Мальвину.

4. Рио

Вечер догнал самолет над океаном.

– Местное время Рио-де-Жанейро двадцать часов пятна-

дцать минут, температура воздуха в аэропорту двадцать четыре градуса, – торжественно провозгласила стюардесса.

Самолет коснулся колесами посадочной полосы, затрясся, загудел. Я хотел расстегнуть привязной ремень, Мальвина остановила:

– Только после полной остановки самолета.

Я посмотрел в окно: ничего особенного, люди в униформе, тележки с багажом, как везде.

Самолет подполз к зданию аэровокзала.

– Счастливого пути, – на прощание улыбнулась стюардесса.

* * *

Офицер полицейского контроля говорил по-французски.

– Нам с супругой нужна транзитная виза, – начал я.

– Мы летим в Парагвай.

– В таком случае у вас будет возможность осмотреть наш город, – полицейский улыбнулся и поставил штамп в оба паспорта.

Встречающие ждали за будками полицейского контроля. Я сразу заметил группу из четырех человек, они держались немного в стороне и разглядывали каждого выходящего с ног до головы. Один из них, высокий, в легком светлом костюме и ярком красном галстуке, решительно двинулся нам навстречу.

– Евгений Николаевич?

Я кивнул.

– Как долетели?

– Хорошо.

– Меня зовут Павел Михайлович, – он улыбался. – Над океаном не очень трясло?

Ответила Мальвина:

– Не очень.

Подошли остальные трое.

Павел Михайлович сказал им что-то по-португальски, потом повернулся к нам:

– У вас много багажа?

– Много, – Мальвина протянула билет с прикрепленными багажными квитанциями.

– Наши друзья вам помогут, – Павел Михайлович взял билет. – Покажите им свои чемоданы.

Объяснялся он с остальными только по-португальски, из чего я сделал вывод, что все они – местные.

Когда Мальвина и местные отошли, Павел Михайлович показал взглядом на мой кейс:

– Тот самый?

– Тот.

– Как-то так получилось, что в Москве мы с вами не встречались. Но Колосов мне много о вас рассказывал. Вы ведь давно знаете друг друга?

Я развел руками:

– Да уже лет двадцать.

– Он надежный товарищ.

Павел Михайлович произнес «товарищ» по-старинному многозначительно, потом посмотрел на часы и заторопился:

– У меня очень мало времени, сегодня ночью я должен лететь. Но мы с вами еще увидимся.

Я никак не мог прийти в себя после полета:

– Вы меня проинформируете, что я должен делать?

– Конечно, конечно. Хотя... – он улыбнулся. – Делать вам ничего не надо. Просто уйти на дно. На пять лет.

– Это я знаю, – вздохнул я.

– У нас будет еще время с вами поговорить. Но потом. Я думаю вернуться месяца через два-три. А вы пока обосновывайтесь, учите язык, отдыхайте.

Он снова посмотрел на часы.

– Ваши вещи отвезут в гостиницу, а мы сейчас проедем в один дом. Это совсем рядом с аэропортом. Побудем там с полчаса, не больше, немного поговорим, отметим начало вашей новой жизни. Потом вас с Мариной отвезут в гостиницу.

«Итак, Мальвину зовут Мариной», – отметил я про себя.

– Марина – хорошая девочка, надежный товарищ. «Еще один надежный товарищ», – ухмыльнулся я. Вернулся один из встречавших. Сказал что-то по-португальски.

– Все в порядке, – констатировал Павел Михайлович.

– Можно ехать.

Нас с Мальвиной усадили рядышком сзади в новенький

американский «Торус». Павел Михайлович расположился впереди рядом с шофером. Как только машина тронулась, он повернулся к Мальвине:

– Как долетели, Мариночка?

– Очень устала.

– Ваш супруг мне рассказывал, что собирались вы второпях.

Ничего подобного я не говорил и теперь искоса смотрел на Мальвину, как та отреагирует на «Мариночку». Мальвина всплеснула руками:

– Он же мне не помогал! Я все одна.

Она возмущалась совершенно искренне. Потом погладила меня по голове.

– Но я на него не в претензии. Он у меня молодец. У него просто было очень много дел.

– Много-много дел, – согласился Павел Михайлович.

– Ему досталось в последние дни.

– Досталось, – понимающе вздохнула Мальвина.

Я не заметил, как машина завернула в какой-то дворик.

– Уже приехали? – удивился я. – Быстро.

– Здесь недалеко.

Павел Михайлович вышел из машины, помог Мальвине:

– Есть не хотите, Мариночка?

Мальвина отрицательно покачала головой.

Павел Михайлович открыл дверь ключом, и мы очутились в просторном, совершенно пустом холле.

– Сюда, – Павел Михайлович показал на низенькую дверь в углу холла.

– Здравствуйте, здравствуйте! – встречал нас полный седой мужчина в роговых очках.

Его большие добрые глаза блестели. Он подал руку. Ладонь у него была большая и мягкая.

– Как долетели? Не проголодались? – Он говорил по-русски с небольшим акцентом.

– Это Ромеру, – представил его Павел Михайлович.

– Наш большой друг.

– Вы хорошо говорите по-русски, – не удержалась от комплимента Мальвина.

– Я много лет прожил в Москве, сначала учился, потом работал.

– Ромеру – совсем москвич, – Павел Михайлович держал Ромеру за руку. – Даже за «Торпедо» болеет. Не за «Динамо», не за ЦСКА, а за «Торпедо».

– «Торпедо» – это рабочий класс, – твердо и спокойно отпарировал Ромеру.

– А другие не рабочий класс! – проворчал Павел Михайлович.

– Ладно, ладно, – примирительно махнул рукой Ромеру. – Прошу к столу.

«Интересно, из какого ведомства этот Павел Михайлович, – размышлял я – Из нашего? Я бы его знал. Из ЦК партии? Скорее всего».

Такого пестрого стола я отродясь не видел: горки крупно порезанных папай, бананы, какие-то незнакомые фрукты, на большой тарелке куски дымящегося мяса, совсем по-русски поджаренная картошка, в центре большая бутылка «Абсолюта», бутылки с вином и водой.

– Мариночке вина или немного водки? – Павел Михайлович приготовился разливать водку в большие фужеры.

– Водки, только очень-очень немного, – Мальвина села и с любопытством рассматривала стол.

«Чем крупнее посуда, тем лучше, – подумал я. – Прилично будет не пить до конца». Я чувствовал себя совершенно разбитым, меньше всего мне хотелось попасть на бесшабашную пьянку.

Ромеру вытащил откуда-то маленькие разноцветные рюмки, и Павел Михайлович, отставив фужеры, начал разливать водку по рюмкам.

Ромеру поднял рюмку:

– С приездом!

Я отпил половину и краем глаза посмотрел на остальных: Павел Михайлович и Ромеру выпили и того меньше, Мальвина только пригубила.

Не успел я доесть кусок папайи, как Павел Михайлович снова поднял рюмку:

– За нашу замечательную пару: Евгения Николаевича и Марину.

И снова выпили.

– Как там в Москве? – обратился Ромеру к Павлу Михайловичу.

Тот махнул рукой:

– И не спрашивай! Хуже не придумаешь. Снесли памятник Дзержинскому. Варвары.

Потом он посмотрел на часы и долил рюмки:

– Выпьем за наше дело. За наше правое дело.

Голос его стал торжественным:

– Нам очень приятно, что Евгений Николаевич присоединился к нам в столь ответственное время.

«К чему это, интересно, я присоединился?» – подумал я.

Павел Михайлович продолжал:

– Сейчас тяжелое время, но оно должно было наступить. Отход от марксизма дорого обошелся нашей стране. Мы в глубоком кризисе; унижение и разруха – вот результаты, которые предвидели настоящие марксисты.

Предупреждал Ленин. Предупреждал Сталин. Правый уклон неизбежно приводит к капитулянству перед капиталом и дальше к национальной катастрофе. – Он наклонился ко мне. – Вы только не думайте, Евгений Николаевич, что я заскоружный сталинист, консерватор. Ни в коем случае. Я просто марксист. Марксист не по партбилету, не для спецмагазина, а по убеждению. Таких у нас немного. Разве Брежнев и Суслов были марксистами? Только честно. Были? Нет.

– Да, пожалуй, нет, – согласился я.

Голова у меня кружилась. Наступило такое состояние, ко-

гда внутреннее «я» не поспевало за языком. Такое со мной бывало, когда я очень уставал.

Павел Михайлович продолжал:

– Неужели вся героика двадцатых годов – это ошибка? Неужели все комиссары – мерзавцы, а белые офицеры – герои? Ведь погибали люди не за жиреющих буржуев, не за плюющих на свой народ аристократов! Погибали за свободу. За счастливую жизнь. За человеческое существование. Вон французы до сих пор поют «Марсельезу»: «Пусть нечистая кровь оросит наши борозды». А у нас есть подонки, которым не терпится выдать нечистую кровь за чистую. Смеются над «Интернационалом», под музыку которого хоронили их отцов и дедов. Разве это не самая низшая степень деградации?!

Вмешался Ромеру:

– Ничего страшного. Во Франции три раза была реставрация, пока все ни встало на места. Людям нужно время. Вот когда через пару годков спохватятся – поймут.

– Верно, поймут, – согласился Павел Михайлович.

Он налил рюмки:

– За революцию! За Великую Октябрьскую социалистическую революцию!

Выпили все. Даже Мальвина. Павел Михайлович не оставался:

– До тех пор, пока есть богатые и бедные, бедные всегда хотят жить как богатые, а когда богатые наглеют – а нувориши всегда наглеют – тогда бедные берутся за оружие. И они

возьмутся. И позовут нас.

Ромеру выбрал кусок папайи и подал Мальвине. Потом выбрал другой и протянул мне. Павел Михайлович продолжал:

– У нас есть люди. У нас есть деньги. У нас есть опыт. У нас есть терпение. Мы непобедимы.

– Опыт – это очень важно, – вступил Ромеру. – Важно не повторить ошибок. А они были.

– Ошибок не было, – строго обрезал Павел Михайлович. – В истории не бывает ошибок. Бывает только неизбежная черед событий.

Ромеру положил руку на плечо Мальвины.

– Не надо спорить. Девочка уже почти спит. Тем более, что они такого же мнения, что и мы.

– Верно, – согласился Павел Михайлович. – Евгений Николаевич честный человек.

«Честный человек» очень хотел спать.

Павел Михайлович посмотрел на часы:

– Мне скоро ехать.

Он повернулся ко мне:

– Кейс отдайте Ромеру. Он все сделает, как надо.

Я поднял кейс, вручил Ромеру.

– Там ничего нет вашего? – спросил Павел Михайлович.

– Нет.

Ромеру взял кейс, поставил в угол:

– Вы отдохнете в гостинице. Там вас встретит наш чело-

век. Его зовут Мануэл. Он учился в Москве в комсомольской школе, говорит по-русски. У вас есть деньги?

– Да.

– Завтра утром я к вам приеду, и мы все урегулируем. Павел Михайлович встал, подошел ко мне:

– Чем вы хотите заняться, Евгений Николаевич?

Я не понял и смущенно развел руками.

– Чем вы хотите заняться? – повторил Павел Михайлович. – Коммерцией, преподаванием?

Я вспомнил про разговор в самолете:

– Я открыл бы салон по продаже европейских машин. «Мерседесов», например.

Павел Михайлович вопросительно посмотрел на Ромеру:

– А что? Хорошая идея!

Ромеру кивнул головой:

– Отличная. Десяток новых машин мы подкинем сразу. А потом еще поможем.

Павел Михайлович похлопал меня по плечу:

– Главное, Евгений Николаевич, душой не стареть.

– Не позволю, – вступила Мальвина.

– Молодец, Мариночка, не позволяй.

Павел Михайлович и Ромеру вышли из дома вместе с нами.

– Устраивайтесь плотнее, – говорил Павел Михайлович.

– Нам будут нужны богатые бразильские торговцы. Торговцы, понимаете. Никакие не русские, никакие не бывшие

чекисты. Международные торговцы. А когда мы победим...

– Это будет скоро, – продолжил Ромеру.

– Не думаю, – возразил Павел Михайлович. – Для этого потребуется времени значительно больше, чем думают некоторые наши отчаянные головы. Когда будет трудно, надо повторять одно: мы вернемся. Мы не можем не вернуться, потому что мы правы.

Мы с Мальвиной сели в машину. Она сразу положила голову мне на плечо и закрыла глаза. Я открыл окно. Машина плавно тронулась.

Навстречу совершенно непонятной новой жизни.

* * *

В гостинице нас встретил парень лет двадцати пяти.

– Меня зовут Мануэл, – представился он по-русски.

– Я вас провожу в номер. Мне сказали, что вы уже поужинали. Багаж в номере.

Поднялись на четвертый этаж. Багаж занимал половину небольшой, с одной широкой кроватью, комнаты. Мальвина сразу бросилась к чемоданам, Мануэл остался у двери.

– Нужны ваши паспорта.

Мальвина открыла сумочку, вытащила документы...

– Вы не могли бы спуститься вместе со мной в регистратуру? – обратился ко мне Мануэл.

– Я нужна? – спросила Мальвина.

– Нет.

В комнате, которая служила Мануэлу кабинетом, пахло кофе. Он протянул регистрационные карточки.

– Если что непонятно, спросите.

Вопросы по-португальски, по-английски и по-французски.

– Нет, пожалуй, все понятно. А вы хорошо говорите по-русски.

– Я учился в Москве, в комсомольской школе. У вас есть крузейро?

– Нет, только доллары.

Он вынул из стола несколько купюр, протянул:

– На первое время хватит.

– Сколько я должен?

– Это вы решите с товарищем Ромеру.

– Спасибо.

– Завтрак внизу в холле с шести до десяти.

Я отдал заполненные листки. Мануэл взял их, внимательно прочел, положил в стол:

– Спокойной ночи. До завтра.

Я вернулся в номер. Часы на прикроватной тумбочке показывали десять минут третьего. Уличный фонарь освещал стол, чемоданы, спящую на кровати Мальвину. На ней была желтая пижама, разбросанные на две подушки волосы закрывали лицо.

Спать почему-то не хотелось. От усталости, что ли. На по-

ду валялась расстегнутая сумка Мальвины. Вероятно, в мое отсутствие Мальвина что-то в ней искала. Я взял сумку, положил на стул, хотел закрыть и заметил, что из сумки торчит листок бумаги. Я слегка засомневался. Потом осторожно взял его, подошел к окну и при свете фонаря начал читать:

«Мне будет не хватать тебя. Но, вероятно, ты права, так надо. Это моя последняя записка, ты ее получишь в аэропорту в Будапеште. Теперь у тебя есть все, что ты хотела – деньги, пусть не очень большие, но надо суметь ими распорядиться, надежная опора – я не знаю этого человека, но все говорят, что на него можно положиться. Ты должна исчезнуть из моей, из нашей жизни навсегда. У тебя будет своя новая жизнь. Ты всегда любила авантюры. Эта новая авантюра, в которую ты ввязалась, по крайней мере, не опасна. Выйдет – хорошо, даже очень хорошо. А не выйдет, ничего страшного. Я сделал все, что мог, даже больше, чем мог. Сейчас не самые лучшие времена, но правда обязательно победит. Потому что правда всегда остается правдой, даже несмотря на то, что мы с ней сотворили. Не хочется прощаться. Но надо. Надо уметь подводить черту. Будь счастлива».

Подписи не было.

Я положил записку в сумку, подошел к кровати. Мальвина спала сном тяжелоатлета, только что выигравшего олимпийскую медаль.

5. Начало новой жизни

– Ты проспишь завтрак.

Я открыл глаза. Мальвина стояла передо мной, в светлом синем платье, умытая, причесанная, улыбающаяся:

– Быстро в душ!

Я вскочил, попытался обнять ее. Она оттолкнула:

– Этим надо было заниматься ночью.

Душ был старомодным, с очень сильной струей. Я плескался недолго.

Завтрак подавали на первом этаже. Кофе, круассаны, соки, – все, как в Европе.

Не успели мы допить кофе, как около нашего стола возник Мануэл:

– Доброе утро. Пройдемте ко мне в комнату.

По дороге он остановил какого-то служащего и начал ему что-то очень быстро втолковывать.

– Как отдохнули?

Он протянул мне два паспорта. Канадские паспорта на имя Эужениу Сокраменту и Марины Сокраменту.

– Ваши родители, товарищ Евгений, – бразильцы, вы с ними жили в Чехословакии, потом к Канаде. Там встретили свою будущую супругу. Она русская. Португальский вы знаете плохо. Вы бизнесмен, торгуете машинами. Приехали на родину предков. Хотите здесь открыть дело и вспомнить

родной язык. – Он улыбнулся. – Так распорядился товарищ Ромеру.

– Что ж, это правильно, – согласился я.

Все было верно. Человек, прибывший в страну для залегания, никогда не сможет владеть языком этой страны так, как коренные жители. Мне всегда было достаточно десяти минут, чтобы понять, кто передо мной: человек, владеющий русским с детства или обученный за рубежом. Особенно если речь идет о человеке интеллектуальной профессии. Он должен пройти все десять классов школы, чтобы знать, как произносится по-русски Пифагор, Нерон, котангенс, нитрат кальция. Он должен знать шутки из всех популярных фильмов. Поэтому всегда лучше, чтобы человек имел не очень распространенную, но типичную фамилию жителя страны залегания, а паспорт или место постоянного жительства до приезда – другой страны. Поэтому в России легче всего залечь с фамилией, скажем, Титов, но с паспортом, где отмечено длительное проживание, а лучше и рождение в Польше или Чехословакии.

Мануэл продолжал:

– Есть разрешение на проживание в Бразилии на год.

Я нашел соответствующие отметки в паспортах.

– Товарищ Ромеру просил вам передать, что вам надлежит вылететь в город Сан Бартоломеу. Там вы будете жить. В гостинице «Боа Вишта» вам заказан номер.

Он помялся:

– Прямой самолет из Рио летает туда два раза в неделю. Товарищ Ромеру полагает, что лучше с первым самолетом. Это через три часа.

– От Рио далеко?

– Пять часов лету. На юг. Небольшой город на берегу океана.

– Сколько жителей?

Мануэл развел руками:

– Я не знаю.

Открылась дверь, и в комнату влетел Ромеру.

– Извините, задержался.

– На улице жарко? – спросила Мальвина.

– Жарко, жарко. У нас всегда так.

– Товарищ Евгений спрашивает, сколько жителей в Сан Бартолмеу.

Ромеру задумался. Потом:

– Тысяч десять, не больше.

Значит, все-таки город.

Он вынул из кармана конверт.

– Это вам. Международные водительские права. Вам и Марине.

– Я не умею водить машину, – вздохнула Мальвина.

– Научитесь, – успокоил Ромеру. – Деньги на первое время Мануэл вам дал. Дал? – он повернулся к Мануэлу.

– Да. Две тысячи.

– Этого хватит. Когда вы откроете счет, мы вам переведем

частями пятьсот восемьдесят тысяч крузейро.

– Это много? – спросила Мальвина. Она была человеком практичным.

– Один крузейро – примерно треть доллара. То есть всего мы переведем около двухсот тысяч долларов.

Итак, мой кейс оценен в двести тысяч долларов. Не так уж плохо.

– Счет откроете в «Банку ду Брезил». А это ваши канадские документы. Гольф-клуб, Прайс-клуб. Свидетельство о браке. Девичья фамилия супруги – Кузина. Брак зарегистрирован в Торонто. Это билеты на самолет. Вырезки из канадских газет с рекламой вашего салона вышлем позже. Вы ведь владелец салона «мерседесов», не так ли? Вы знаете название какого-нибудь города в Канаде?

– Монреаль, Торонто, Ванкувер... – начал перечислять я.

– Где-нибудь бывали? – остановил меня Ромеру.

– Я несколько месяцев в жил в Монреале.

– Прекрасно. Мы постараемся привязать рекламу к Монреалю. У вас есть вопросы?

– На месте меня могут спросить, почему я выбрал Сан Бартоломеу.

– Это известный курортный город. Туда приезжают отдыхать, проводить медовый месяц. Переезд туда не должен вызывать вопросов.

– Это будет нашим вторым медовым месяцем! – обрадовалась Мальвина.

Ромеру улыбнулся:

– Да, да. Там хороший климат. Океан. Много пляжей.

«И ничего кроме пляжей!» – отметил я про себя. Я знал такие места. И там жить пять лет! Конечно, лучше, чем в Лефортово.

– Там есть интересующиеся европейскими машинами?

– Вы хотите знать, много ли состоятельных людей в Сан Бартоломеу? Много. Население складывалось из эмигрантов из Европы.

«Уже легче», – подумал я.

– И кроме того, вы приехали туда, чтобы восстановить родной язык.

– А там есть люди, к которым я могу обратиться?

– Нет. Мы хотим, чтобы вы были совершенно чистым. Здесь, в Рио, из гостиницы в аэропорт вас отвезет таксист. В аэропорту вы сами оформите билет. Сами доберетесь до Сан Бартоломеу. Единственное, что мы сделали, – заказали номер в гостинице.

Он взял со стола чистый лист бумаги, вынул из кармана записную книжку, переписал из нее что-то на листок. Потом протянул его мне.

– Это название гостиницы и номер заказа. И, пожалуйста, до нашего указания никуда не отлучайтесь из города. – Он замялся. – Извините, но Петр Николаевич так распорядился.

Я не знал никакого Петра Николаевича, но понял, что, скорее всего, этот человек хочет мне добра. Я знал толк в

конспирации.

– Итак, ваши родители – бразильцы, вы живете давно в Канаде, получили канадские паспорта. Из Канады вы приехали сначала в США, потом сюда. В паспорте все это отмечено. Жили в Вашингтоне в гостинице Марриот. Пять дней. Остальное на ваше усмотрение. Устройтесь, снимите домик, обзаведитесь хозяйством. И занимайтесь языком. Это, пожалуй, самое важное.

Я хотел спросить Ромеру, как дела в Москве, но в это время вошел худой юноша и что-то сказал по-португальски Мануэлу. Тот обратился к нам:

– Вас на улице ждет такси. Последние цифры номера – двадцать три-сорок восемь...

Ромеру встал. Мы тоже.

– До встречи.

– А наш багаж?! – всплеснула руками Мальвина.

– Я думаю, он уже грузится в самолет, – улыбнулся Ромеру.

Через несколько минут мы были в такси. Таксист сначала пытался с нами заговорить, но, поняв, что мы не понимаем по-португальски, замолк, только довольно часто оборачивался. Явно посмотреть на Мальвину.

Было еще рано, часов девять, но уже жарко. В машине кондиционера не оказалось и окна были открыты. Мальвина смотрела в окно.

Аэропорт оказался совсем рядом.

Аэропорты всего мира одинаковы. Стойки, люди в форме, объявления по радио, которые и на родном языке трудно понять. Я купил газету. Конечно, по-португальски, но все-таки. Горбачев. Ельцин. Почему-то портрет Силаева. Ага, понятно. Новый премьер-министр.

Свою стойку мы нашли быстро. И через полчаса уже сидели в первом классе набитого до отказа маленького «Боинга».

Первой посадкой был Порту Алегри. Мы ожидали в набитом пассажирами зале с полчаса. Потом снова: «Просим пассажиров пройти на борт», естественно, по-португальски. Но подобное объявления можно понять, даже если бы оно прозвучало по-китайски.

Глава вторая

Город на океане

6. Сан Бартоломеу

Аэропорт в Сан Бартоломеу оказался типичным аэропортом провинциального городишки. Постояв минут пять у вертящегося конвейера, мы забрали свои многочисленные чемоданы и, погрузив их на две тележки, вышли на улицу. Такси нашли сразу. Таксист, парень лет тридцати, ловко покидал чемоданы в багажник.

– Отель «Боа Вишта», – распорядился я, и мы отъехали.

Два-три поворота – и машина выскочила на шоссе; слева океан и бесконечные пляжи, справа – деревья непонятных для европейца пород, а за ними невысокие горы. Таксист пытался мне что-то втолковать по-португальски, но, уразумев, что я ничего не понимаю, сначала помолчал несколько минут, потом все-таки продолжал рассказывать. Одноэтажные, ярко окрашенные виллы сменились промышленными постройками: складами, гаражами. Вскоре мы въехали в город и сразу попали на центральную улицу, шумную, с магазинами. Вдали виднелся неизменный атрибут подобных городов: старинный собор на центральной площади. На этой площади мы повернули направо и поехали в направлении гор.

Теперь мы петляли по дороге вдоль кустарников. Из того, что говорил водитель, я понимал только два часто повторяющиеся слова: «брезил» и «кофе». Из этого следовало, что мы находимся в Бразилии и что кустарники и есть кофе. То справа, то слева стали появляться виллы, некоторые из которых можно было назвать «дворцами местного значения».

– Мы приехали, – должны были, по всей видимости, означать слова шофера, когда машина после крутого поворота влетела во двор и остановилась у двухэтажного здания без какой-либо вывески.

Встречал нас солидный седовласый мужчина лет пятидесяти, в зеленой рубашке с ярким зеленым галстуком. Он сказал что-то по-португальски, потом сообразив, что мы не поняли, спросил:

– Испанский? Английский? Французский?

– Французский.

– Ужин уже кончился, – продолжил он на прекрасном французском. – Но для вас приготовлен столик. После того как вы разместитесь, наш официант будет к вашим услугам. А пока Педру проводит вас в ваш номер. Если номер вам не понравится, скажите.

Номер наш оказался на втором этаже. Просторный, с балконом.

Двое шустрых ребят быстро подняли багаж.

Наскоро разбросав вещи, мы спустились в холл. Человек в зеленом галстуке ждал нас:

– У нас холодно. Мы в горах. Особенно похолодает к утру. Теплые одеяла в шкафу.

Сначала подали суп, что-то похожее на итальянский минестроне, но с какими-то непонятными травами. Это оказалось обязательным стартом. После этого принесли меню. Мы заказали баранину со спагетти.

От кофе Мальвина хотела отказаться:

– Боюсь, спать не буду.

Но человек в зеленом галстуке пригласил нас за каменный с инкрустациями столик. Мы согласились. Он сам принес кофе и сел рядом с нами.

– Меня зовут Алберту Перейра. Мы с женой владеем этим отелем. Непосредственно руководит отелем и рестораном жена. Я здесь просто иногда бываю. Работаю в банке. Я управляющий местным отделением «Банку ду Брезил». Это самый большой банк в Сан Бартоломеу. Напротив собора. Вы к нам надолго?

Я повторил историю с салоном для «мерседесов».

– О, это прекрасная идея! «Мерседесы» у нас есть у многих. Да и у меня тоже, но старый. Думаю, пора покупать новый.

– Я буду рад продать вам «мерседес». И так как вы первый житель города, с которым мы познакомились, подумаю о хорошей скидке.

– Прекрасно. За это можно...

Он позвал парнишку, приносившего нам ужин. Что-то

сказал ему, тот быстро принес три рюмки и бутылку «Реми Мартена».

– За ваше будущее предприятие и за вашу очаровательную жену.

– За ваш будущий «мерседес».

Я переводил Мальвине. Она кивала и улыбалась.

– Ваша супруга хочет спать.

– Да, она устала.

– Вы будете открывать счет в банке?

– Конечно.

– В каком банке? Я рекомендовал бы вам наш.

– Я последую вашей рекомендации и завтра зайду к вам.

– Вы думаете снять виллу?

– Да... Если вы нам поможете.

– Я познакомлю вас с человеком, который поможет найти виллу. Но прежде, чем соглашаться, посоветуйтесь со мной.

– У нас еще одна просьба. Мы хотим сразу начать заниматься португальским языком.

– Очень правильно. Я попытаюсь найти вам преподавателя.

Мальвина первая поднялась в номер. Поболтав с Алберту еще минут пять, я пожелал ему доброй ночи.

Когда я вошел в номер, Мальвина уже лежала в постели. То ли от жары, то ли по какой другой причине, никакой одежды, ни даже простыни, на ней не было. Я понял, что отвертеться от первой брачной ночи, ссылаясь на усталость, не

удастся. Да я и не собирался.

А когда увидел большие голубые глаза близко-близко, первый раз так близко, и тело, которое и в одежде не может не вызвать у здорового мужчины здорового желания, я понял, что впереди меня ожидают дни, о которых мечтает любой Пьерро.

7. Завтрак в горах

Спали мы отлично. На завтрак тот же мальчик, что и накануне вечером, подал маленькие круглые булки, очень вкусное масло, варенье, и, конечно, кофе.

Вызванное нами такси пришлось ждать.

С шофером новенького «фольксвагена» мы объяснялись по-английски. К моему удивлению, моя дражайшая половина владела языком Шекспира намного лучше, чем я.

Узнав, что мы в первый раз в городе, шофер принялся рассказывать о футболе – их команда опять проиграла. Потом перешел к ремонту базарной крыши, который длится уже лет пять. Словом, все как везде.

– Много у вас «мерседесов»? – спросила Мальвина.

– Хватает.

– Новые? Старые?

– Есть всякие.

Я вступил в разговор:

– Где их ремонтируют?

– Где как...

– Я хочу открыть салон по продаже «мерседесов» у вас в городе.

– Прекрасная идея.

Появились первые городские постройки.

– Нас, пожалуйста, туда, где можно снять машину.

– «Авис» или «Херц»?

Знакомые компании.

– Куда ближе.

* * *

Нам повезло. Всего через полчаса мы уже подъезжали к банку на шестисотом «мерседесе» глубокого синего цвета, не первой молодости, но вполне приличном.

В вальяжном субъекте, одетом в безупречного покроя темно-серый костюм, мы не сразу узнали нашего вчерашнего собеседника синьора Алберту. Он весело приветствовал нас:

– Вы прекрасно выглядите. Как первая ночь в нашем городе?

– Чудный воздух. Сразу заснули...

– Вот и прекрасно. Если не возражаете, начнем с открытия счета. Ваша супруга пока может посмотреть журналы.

Еще несколько «прекрасно», и, оставив Мальвину в маленькой комнате, мы отправились в общий зал.

Синьор Алберту пригласил меня в свой кабинет.

— Для того, чтобы открыть счет, вы должны внести начальную сумму.

— Я это знаю.

— Согласно установленному порядку я могу открыть счет только тому, кто имеет постоянное место жительства в городе. Однако если вы внесете сумму свыше десяти тысяч американских долларов, я имею право открыть вам счет без указания адреса, но с условием, что в течение первых шести месяцев сумма на счету не будет опускаться ниже двух тысяч.

По дороге в банк я размышлял, сколько внести: слишком много нельзя, большая сумма наличными может вызвать подозрение. Но и маленькую тоже не годится: надо показать себя человеком, свободно оперирующим деньгами.

— У меня наличными только пятьдесят тысяч долларов. И я готов внести их сегодня же. А что касается обязательных двух тысяч, которые надо держать в банке, я считаю это нормальным.

По лицу управляющего я понял, что с суммой не ошибся. И продолжил:

— На следующей неделе я переведу больше. Я должен выписывать чеки по-португальски?

— Можно по-английски.

— У вас в городе принимают кредитные карточки?

— О да, вот уже два года.

— Я этого не знал. Не думал, что это американское нововведение дошло до вашего города.

– Дошло, дошло. Если вы откроете счет с обязательством держать на нем не меньше двух тысяч долларов, мы вам можем выдать «Визу» нашего банка с кредитной линией в одну тысячу. Однако это пока будет дебитная карточка. Если ваш счет перевалит за сто тысяч, мы увеличим кредитную линию до двух тысяч, а через год ваш счет на этой карточке будет чисто кредитным.

Когда формальности были закончены, синьор Алберту попросил клерка сходить за «синьорой Мариной», и мы с ней, подписав с десятков бумаг, оказались владельцами двух роскошных чековых книжек и пачки крузейро.

Мальвина спросила по-английски:

– Всегда так жарко в городе?

Он ответил по-английски:

– Днем всегда. Но вечером дует ветер с гор – сейчас весна. Летом будет жарче.

Потом хотел перевести это на французский, я остановил его:

– Вы можете говорить по-английски.

Он продолжал:

– Вы вчера говорили, что хотите снять виллу.

– Да.

– К сожалению, сейчас нет ничего интересного. Может быть, появится через пару месяцев.

«Хочешь, чтобы мы оставались в гостинице и тебе платили», – подумал я. Но ошибся.

– Я могу порекомендовать квартиру. Точнее, целый этаж. Дом трехэтажный, недалеко от центра, в ста метрах от набережной. Пять комнат, из них три с видом на океан. Хозяин, доктор Бутика, занимает первые два этажа. Он прекрасно говорит по-французски.

– Это нам подойдет, – ответила за меня Мальвина.

* * *

Через час мы познакомились с милым доктором Бутикой. Тот говорил и по-английски. Мальвина отвечала за меня.

Узнав, что она русская, синьор Бутика решил сказать ей приятное:

– О, я много слышал о вашей стране. Моя дочь живет в Португалии. Она мне писала об ужасной войне, которая была в Европе... Постойте, когда же это было?

Простейший подсчет подсказывал, что могло это быть лет сорок пять тому назад. Отсюда можно было вычислить примерный возраст хозяина.

– Ты хорошо говоришь по-английски, – не удержался я от комплимента, когда мы по крутой лестнице поднимались к себе на третий этаж.

– Так, учила, – отмахнулась она.

А я подумал: «Эта меня еще удивит! И не раз!»

Квартира нам понравилась.

Первых несколько дней ушло на доведение квартиры до европейского стандарта и приобретение необходимой домашней утвари. Служанка доктора, Мария, сопровождала нас по магазинам, торговалась, учила Мальвину, что и как покупать на базаре.

Потом нас познакомили с другой Марией, родственницей Марии первой. Эта другая Мария приходила к нам каждый день по утрам, убирала квартиру, мыла посуду, стирала белье, ходила вместе с Мальвиной за продуктами. А главное, приносила хлеб. В этом городе хлеб – белые круглые, довольно крепкие булочки двух размеров – продавался прямо в пекарнях и только два раза в день: рано утром и в час дня. Без нашей Марии мы бы регулярно оставались без хлеба. Кроме того, наша Мария оказалась бесценным преподавателем португальского языка. Не обладая большим запасом слов, она обладала знанием всех местных новостей и неукротимым желанием довести их до нашего сведения.

Любезнейший дон Алберту прислал нам на выбор четырех возможных преподавателей португальского: двух женщин: школьницу старшего класса и пожилую учительницу – для Мальвины, и двоих мужчин для меня – студента и преподавателя. К удивлению учителей, мы наняли их всех. Более того, решили, что будем заниматься вдвоем по часу каж-

дый день, включая воскресенье.

8. Первые шаги

Через неделю я отправился в торговую палату города. Вместо ожидаемого мною провинциального спокойствия я увидел торопящихся куда-то чиновников в белых рубашках и галстуках. Иногда появлялись чиновники в таких же рубашках с галстуками, но в светлых пиджаках, очевидно, рангом повыше. Эти перемещались помедленнее, и лица их выглядели более озабоченными.

Председатель палаты, владелец местной консервной фабрики, принял меня в уставленной какими-то макетами комнате.

— Это замечательно, что вы решили инвестировать в экономику нашего города.

После обычного в подобных случаях, но на удивление краткого обзора «выдающихся» перспектив Сан Бартоломеу, председатель перешел к конкретике:

— Чем мы вам можем помочь?

Я объяснил, что мне надо. Мне показалось, что он уже был в курсе моих проектов, это и понятно, город небольшой.

— Если вы не возражаете, пройдем к синьору Порталью.

Синьор Порталью, высокий красавец в традиционно белой рубашке с ярким галстуком, восседал на втором этаже.

— Я знаю, вы интересуетесь помещением для салона по

торговле новыми и поддержанными автомобилями европейских марок.

– Мне бы хотелось помещение для салона и для ремонтной мастерской, – добавил я.

– Это понятно, – поддержал меня синьор Порталью. – Очень правильное решение. Я могу вам кое-что показать.

Через час мы рассматривали брошенную мастерскую на окраине города.

На обратном пути я заехал в банк. Конечно, синьор Алберту был уже в курсе дела.

– Это неплохое место для салона. Имеющиеся мастерские и бюро нетрудно отремонтировать. Есть только одно препятствие: хозяин живет в Рио, и его права на эту территорию и строения нужно подтвердить. Он их унаследовал от своего дяди, но юридически пока не оформил.

– Сколько может уйти времени на оформление?

– Не меньше двух месяцев. Но зато цена вполне приемлемая.

Через день я познакомился с адвокатом, синьорой Исидорой, которая начала оформлять покупку.

* * *

Следующим на очереди был визит в собор, туда я направился вместе с супругой.

Хорошо марксистски подготовленный, я был убежден, что

основное предназначение любой церкви состоит в поддержке сложившегося строя. Поскольку я прибыл в этот маленький город как предприниматель, значимый для его экономики, то мое место должно быть среди имущих. Поэтому визиту в собор я придавал большое значение.

В соборе нас встретил падре, крепыш маленького роста, суетливый и улыбающийся.

Я признался ему, что мы с супругой хоть и католики от рождения, но длительное пребывание в странах, где религия преследуется, отдалило нас от церкви. Однако и я, и моя супруга всегда старались придерживаться христианских канонов.

– Конечно, бывали случаи, – Мальвина укоризненно посмотрела на меня и улыбнулась.

Улыбнулся и падре:

– Меня зовут Джованни.

– Вы итальянец? Тогда мы сможем перейти на итальянский.

Дон Джованни обрадовался:

– В городе много итальянцев и выходцев из Европы. Поэтому ваша идея продавать европейские машины будет иметь успех.

– Вы получили весть о моих намерениях свыше, дон Джованни, или узнали от прихожан? – пошутил я.

Шутка была встречена положительно.

– Весть свыше. Но это вторая весть. Первой была инфор-

мация о приезде в наш город очень делового человека с очень красивой женой.

Я перевел Мальвине слова падре. Она кокетливо улыбнулась.

– Разрешите нам заходить к вам в собор, – попросил я.

– Конечно. Вы можете это делать всегда. Церкви много ближе неверующий, не совершающий предосудительных деяний, чем прихожанин, погрязший в грехах. Кроме того, может наступить такой день, когда вам захочется узнать больше о делах церкви.

«И пожертвовать ей что-либо», – продолжил я про себя и задал, наконец, обязательный вопрос, ответ на который должен быть длинным, но после которого можно уходить.

– Когда построен собор?

Собор действительно оказался старинным и рассказ о нем занял почти час.

9. Директор музея

Через месяц с нами уже здоровались на улицах и на набережной, излюбленном месте прогулок состоятельной публики, особенно по вечерам, когда спадала жара. Торговцы на рынке, продавцы в магазинах уже знали, чему мы отдаем предпочтение. Пару раз мы посетили лучшие рестораны города. Раньше бразильская кухня мне представлялась острой, однако все, что мы пробовали, отлично согласовывалось с

умеренным пристрастием к специям среднестатистического европейца.

Разбирались мы помаленьку и с бразильскими фруктами. Конечно, бананы, бананы, бананы...

Мы покупали бананы разных цветов: желтые, красные, зеленые, шоколадно-коричневые. Только в Бразилии растут оранжевые бананы. Я предпочитал зеленые, они не очень сладкие и немножко терпкие. Не любил шоколадно-коричневые. Берешь такой в руки, думаешь, ну уж он-то сладкий. Ан нет. Сплошной обман. Мальвина, та наоборот любила шоколадные. Она вообще равнодушна к шоколаду.

И папайи. Первое, к чему мы по-настоящему пристрастились в Бразилии, были папайи. Мы научились отличать папайи, вытянутые, темно-желтого цвета плоды размером с дыню, и мамыи, круглые, более светлые и более сладкие.

Попробовали асеролу, по цвету и форме напоминающую помидор, но с ни с чем не сравнимым вкусом, кажу, похожий на сладкий перец, сочный купуаку. А еще была оранжевая купуаку, гуайява, зеленая снаружи и нежно-розовая внутри, гравиола – колючий зеленый плод, по форме напоминающий сердце, фрукт с забавным названием женипапо. Всех не перечесть.

Правила приличия требовали, чтобы я организовал прием у себя дома. Но я не торопился. Я хотел, чтобы кто-то первым пригласил меня. Со мной охотно беседовали в общественных местах, приглашали на чашку кофе в бар, Марину

водили по салонам, но в гости никто не звал.

О России местные газеты писали редко. Мальвина слушала американское радио по-английски, ее ужасно злило, что радио из Вашингтона основное время уделяло процессу родственника Кеннеди, а специалисты и просто обыватели обсуждали, изнасиловал ли он или нет какую-то неприглядного вида девицу в Палм Биче. Местная пресса посмеивалась, ехидничала, но уделяла процессу намного больше места, чем событиям в Москве. 12 октября появилось сообщение о роспуске КГБ.

В конце месяца нам прислали счета за воду, газ и электричество. Глубокое внедрение шло своим чередом.

Оставалось только завести «друга». Без этого нельзя. Новый человек в городе обязательно должен иметь кого-то, кто мог бы поручиться за него в клубе, в страховой компании, чей адрес он мог бы давать, заполняя разного рода бумаги «в случае необходимости сообщить...».

Однажды мы забрели в городской музей.

Мы ожидали увидеть местные поделки, чучела рыб, прослушать длинные рассказы о породах деревьев – это бывает в местных музеях всех стран, но здесь все было иначе.

Встретил нас мужчина в элегантном костюме, в очках и с трубкой. Он походил больше на писателя.

– Доктор Роберту Марронту, – представился он по-французски. – Я очень рад, что вы нашли время нас посетить. Думаю, вам будет интересно.

Больше половины музея занимала экспозиция, посвященная приезду в этот город португальского короля в начале девятнадцатого века. Нам показали огромные кровати с шелковыми простынями и кружевными подушками, стол, за которым проходили приемы, и, конечно, массивные приборы, по словам директора, из чистого серебра.

Еще больше мы удивились, узнав, что все экспонаты музея принадлежат самому доктору Роберту и что он является шестым наследником португальского короля.

– К счастью, в Португалии монархии нет уже почти восемьдесят лет. Поэтому я могу быть спокоен за свою жизнь. Я даже могу спокойно посещать Португалию.

Он предложил чашку кофе. Мы согласились.

Интересный собеседник, доктор Роберту прекрасно разбирался в русской литературе, знал не только Чехова и Достоевского, но и Гоголя, Горького. Естественно, я должен был показать, что знаю Камоэнса.

– Я никогда не слышал Камоэнса в подлиннике.

И это было правда.

– Камоэнша, – поправил меня доктор. – Букву в конце слова бразильцы произносят как «с», а португальцы как «ш». Но Камоэнш есть Камоэнш. Я всегда произношу его фамилию именно так.

Потом Мальвина заинтересовалась дамским чайным сервизом. Хранитель музея рассказал историю о том, как этот сервиз заказали во Франции к приезду короля и как короле-

ва уронила чашку на каменный пол, а она не разбилась.

Доктор предложил еще кофе. Потом удалился на пару минут и, вернувшись, пригласил нас к себе на ужин.

– Послезавтра мы с женой ждем вас к семи.

* * *

Через день в семь мы были в квартире хранителя музея. Нас встречали хозяин и его жена, смуглая дама средних лет в индийском сари.

– Моя жена из Макао, – представил ее Роберту.

Нас пригласили в салон. Выложенный замысловатым паркетом зал кончался верандой с видом на океан. Хозяйка подвела нас к двум круглым столикам, на которых стояли цветные подносы с маленькими тартинками. В каждую тартинку была воткнута вилочка с камешком.

– Ты посмотри, – шепнула мне Мальвина.

Спросить Мальвину, куда смотреть, я не успел, хозяин подкатил столик с напитками:

– Виски, джин?

После получаса светского разговора супруга хозяина пригласила нас к столу. В столовую мы прошли через длинный коридор, стены которого были украшены саблями и кинжалами. Мальвина улучила минуту и шепнула:

– Ты обратил внимание?

– На что?

– На вилочки в тартинках.

– Ну и что?

– А то, что камешки в них драгоценные. Рубины, сапфиры и изумруды.

За обедом хозяйка рассказывала о Макао.

Кофе пошли пить на веранду, и там хозяин читал по памяти Камоэнша.

Было прохладно, легко дышалось.

– У вас есть родственники в Португалии? – спросил я хозяина.

Он засмеялся:

– Много. Так много, что я никого ни разу не встречал. Родился я в Сан Пауло, учился в Рио-де-Жанейро, я по профессии географ.

Вмешалась его супруга и на плохом французском сказала, что единственным его достижением в области географии было посещение Макао, где они с ним познакомились.

– И я привез эту редкую азиатскую птицу в Бразилию.

– Он вообще любитель редких птиц, – продолжила супруга. – Осторожно, синьор Сокраменту, синьора Марина – такая редкая птица, которую здесь не сыщешь.

Мы все засмеялись, и синьора Марронту еще рассказывала о Макао. Хозяин еще читал Камоэнша, потом Маяковского по-португальски.

Теперь можно было устраивать ответный прием. Решили его сделать сразу после Нового года. Остановились на суббо-

те восемнадцатого.

Словом, жизнь наладилась и текла размеренно. И когда я уже почти смирился с тем, что так, без забот и потрясений, мне придется прожить отведенные мне пять лет, вдруг в один день все перевернулось.

Глава третья

Долгий путь к неясной цели

10. Привет из дома

В понедельник четырнадцатого, утром, мы лежали в кровати и спорили, кому первому вставать. И когда выпало вставать мне, раздался звонок в дверь.

– Кого черт несет с утра!

Я набросил рубашку и пошел открывать. На пороге стоял Павел Михайлович, тот самый, который встречал нас в аэропорту в Рио-де-Жанейро. По его озабоченному лицу я сразу понял: нашей спокойной жизни пришел конец.

– Мариночка не обидится, если мы пойдем куда-нибудь выпьем кофе?

Не хочет разговаривать дома, боится жучков. Понятно.

– Я ей объясню.

– Возьмите этот чемодан. Там всякие проспекты по «мерседесам». Какие-то образцы...

Мариночка не обиделась.

Мы вышли на улицу. Было еще прохладно. С океана, как всегда в это время, дул приятный ветерок.

– Где вы обычно завтракаете?

– Здесь на углу.

– Вот туда мы и не пойдём.

И это понятно. Я предложил:

– Я могу порекомендовать кафе «Глобо». Я там ни разу не был. Но говорят, там очень хороший кофе.

Я там действительно ни разу не был, берёг для неожиданных встреч. Таких как эта, например.

– Я вам привез проспекты, образцы. Остальное придет по почте. Как у вас дела?

– Вживаюсь. Пока все в порядке. Как дома?

– Газеты читаете?

– Только «Монд».

– Значит, в курсе. Знаете, какие у меня мысли? Крамольные, скажете. Да не у меня одного. Ругали мы Сталина: сажал, расстреливал. А вот спросите сейчас у безработных, что бы они предпочли: жить, как они сейчас живут, или работать, как при Андропове, но чтобы Горбачева и Ельцина – на Колыму. Что бы они ответили? То-то. Для нас сейчас главное: организованное отступление. Сплочение действительно верных. И не нужно надеяться на скорое возвращение. Народ у нас болен. Ему надо вылечиться. А господин Ельцин – самый лучший врач. Ну да ладно. Вы все понимаете. Мы вам доверяем. Без особой нужды я не стал бы вас беспокоить.

Это я тоже понимал. И удивился приезду. Посещение человека, отправленного на залегание, в первые два года недопустимо.

– Что-нибудь случилось?

– Да. Случилось то, что ничего не случилось. Начну по порядку. На следующий день после объявления о создании ГКЧП на имя Янаева была переведена крупная сумма денег. Очень крупная. Отправитель анонимный. Однако после падения ГКЧП эта сумма была отозвана. Причиной для отзыва стал неправильно оформленный адрес получателя – ошибка в написании имени Янаева. То есть основания для отзыва были. Повторно эта сумма в Россию не прибыла.

Я слушал, не прерывая, хотя он иногда замолкал, оставляя паузу для вопросов.

– Сумма очень большая. Огромная для анонимного отправителя. Позже нам удалось узнать, из какого банка она была переведена. Оказалось, из «Банку ду Брезил». И не просто из «Банку ду Брезил», а из его отделения в Сан Бартоломеу.

И я начал понимать, почему я оказался в этом городе.

– Как были переведены деньги? В местной валюте? В долларах?

– В долларах.

– И какова моя задача?

– Нужно выяснить, кто перевел эту сумму.

– Как срочно?

– Сам факт перевода огромной суммы на имя Янаева и отзыв денег, когда Ельцин переиграл команду Крючкова, говорит о том, что переводил их наш единомышленник.

Это подтверждается еще и тем, что в последние годы на

адрес сначала Андропова, потом Лигачева приходили большие суммы. Их отправители оставались анонимными. Тогда с помощью оперативных средств проводилось расследование с целью определения адресата. Найти его не удалось. Единственно, что стало известно: деньги переводились из «Банку ду Брезил» через лондонский банк. Собственно говоря, отправляя вас сюда, мы предполагали, что вы войдете в местную жизнь и попытаетесь, не торопясь, нащупать, откуда эти деньги. Это ваше основное, по крайней мере на сегодня, задание. И срочное.

– Если я вас правильно понял, необходимо найти того, кто пересылал деньги.

– Да. Потому что это наш единомышленник. Мы убеждены, что он остался нашим единомышленником. Иначе почему он отозвал деньги после разгрома ГКЧП? И теперь не знает, как нам помочь. Мы сейчас в подполье. Мы уверены, что он ищет нас. Надо ему помочь.

– Ну, а если мне удастся его найти, что потом?

– Пока только найти. Узнать, какими средствами он располагает. Какому движению или направлению в политике симпатизирует.

– А сколько он переслал?

Павел Михайлович помялся:

– Вам важно это знать?

– Да.

– Хорошо. Десять миллионов американских долларов.

Впечатляет?

Такого предположить я не мог.

– Впечатляет. Десять миллионов за просто так из этого городишки! А что, если это наркоденьги? У революционной армии Колумбии были контакты с крупными дельцами наркобизнеса.

– Мы проверяли. У нас остались хорошие отношения с коммунистами латиноамериканских стран. Нам дали ясный ответ: ни коммунисты, ни левые повстанцы такой суммой не располагают и не имеют представления, откуда она взялась. Что касается крупных наркодельцов, то при Горбачеве, по личному указанию этого подонка, с ними был установлен контакт, и им была предложена помощь для отмывания денег. Это нам было известно от покойного Пуго. Но они теперь поддерживают Ельцина. То есть если бы они и направили в Россию какие-либо деньги – а скорее всего, направляли и направляют – то не нашим, а как раз наоборот. Нет, это вряд ли наркодельцы.

– Еще какие-нибудь зацепки есть?

– Никаких.

– Вы у нас побудете?

Павел Михайлович посмотрел на часы:

– Боюсь, что не увижусь с Мариночкой. Передайте ей мои извинения. И еще. Не жалейте денег. Конечно, в разумных пределах. Финансового отчета мы у вас спрашивать не будем.

– Как с вами связаться?

– В случае экстренной необходимости через Мануэла из гостиницы, где вы останавливались в Рио. Но только при экстренной необходимости. Не мне вас учить. Проводите меня по аэропорту.

– Я думаю показать вам место, где у меня будет салон. Для всех вы здесь по делам салона.

– Разумно. Тогда давайте поторопимся.

В машине я спросил Павла Михайловича:

– Теперь, когда КГБ расформировано, я, стало быть – уже никто, не чекист и не полковник?

– Нет, вы по-прежнему чекист и полковник. Организацию, которую создал Дзержинский, всякие там ельцины распустить не могут. Согласны со мной, товарищ полковник?

– Согласен, товарищ... – я замялся.

– Товарищ генерал, – подсказал Павел Михайлович и в первый раз улыбнулся.

– Ельцин уже надавал разных званий.

– Верно, но новые получили звание от Ельцина, а я от Андропова.

– И я тоже.

– Вот видите. А вы: «кто я теперь»? Чекист и полковник, и больше, чем раньше. Потому что теперь труднее.

В аэропорту мы говорили о машинах. Гость одобрял покупку салона.

– Я уже договорился, что по большой скидке продам но-

вый «мерседес» управляющему банком.

Павел Михайлович не смог сдержать восторженного взгляда:

– Вот это начало!

– Как знал!

– Не скупитесь.

– Теперь уж точно не буду.

Прежде, чем проститься перед посадкой, он прижал кулак к груди и театрально произнес:

– Мы победим!

Потом посмотрел по сторонам и добавил:

– В организации продажи «мерседесов» в этом замечательном городе.

– Городе очень богатых людей, – добавил я.

11. Прием

Я умышленно не спросил у Павла Михайловича, можно ли рассказать о задании Мальвине. Он, конечно, не имел права дать мне такое разрешение. Но он профессионал, должен понимать, что ее помощь необходима. Поэтому я промолчал.

– Что будем делать? – спросила Мальвина.

– Первую попытку предпримем во время обеда.

На первый обед мы пригласили управляющего банком сеньора Алберту с супругой, моего «друга» доктора Роберту

с супругой, директора торговой палаты с супругой, синьора Рамиреса Порталью, нашего любезного хозяина доктора Бутуку, падре, синьорину Албертину, хозяйку салона красоты, куда зачастила моя супруга, и синьору Исидору, моего адвоката.

Помогать нам взялся метр ресторана «Две медузы», кухню и персонал которого мы успели оценить. Меню мы с Мальвиной выбирали недолго: все национальное. За два часа до обеда на грузовичке приехали два официанта, привезли еду и приборы.

Во время аперитива гости из-за уважения к хозяину и его супруге, то есть ко мне и Мальвине, говорили по-английски и по-французски, а падре, супруга директора торговой палаты и, конечно, наиинтеллигентнейший доктор Мануэлу – по-итальянски.

Сели за стол, там продолжался разговор о городских новостях, о погоде (где не говорят о погоде!), о футболе – Бразилия остается Бразилией – и, на удивление, ни слова о политике.

Когда разлили шампанское, бокал поднял директор торговой палаты. От имени всех присутствующих он пожелал мне и моей «совершенно очаровательной» супруге успехов, обещал помощь.

Потом поднял бокал я: – В ближайшее время я получу первую, пока небольшую партию «мерседесов» и намерен их продать с очень солидной скидкой. Тем, кто захочет обме-

нять старый «мерседес» на новый, скидка будет двойной.

Мне зааплодировали, особенно синьор Алберту: из присутствующих у него у одного был «мерседес».

Потом Мальвина, то есть «обворожительная синьора Марина», пригласила гостей на кофе на веранду.

Синьор Алберту подошел ко мне:

– Я запомню ваши слова относительно большой скидки при обмене старого «мерседеса» на новый.

– Любезный синьор Алберту, я коммерсант. А мы, коммерсанты, ничего не делаем просто так. Я вам предложу корыстную сделку... нет-нет, не сделку, а соглашение. Я бы хотел оформлять кредиты на покупку машин через ваш банк.

– Это возможно. И в наших интересах.

– Но я просил бы вас не очень задерживать оформление.

– Мы оформляем быстро, если речь идет о жителях нашего города. Мы очень хорошо знаем кредитные возможности тех, кто захочет купить или поменять «мерседес».

– Еще одно положение. После десяти первых «мерседесов», оформленных через ваш банк, мы увеличим процент скидки для работников банка. Более того, после устного соглашения мы сможем предоставить льготы уже сейчас. Поэтому, если ваш банк согласится нам помочь, сотрудник банка, пожелавший купить новую машину, получит скидку в тридцать процентов. Несколько дней назад мне пришло сообщение о том, что новые машины придут через два месяца. Их характеристики я получу в самое ближайшее время.

Я задумался, не слишком ли большую скидку предложил, не насторожится ли он. Но по тому, как, отойдя от меня, он сразу подошел к своей жене и что-то стал рассказывать ей, а она тайком посмотрела на меня, и у обоих было хорошее настроение, я понял, что не переборщил.

Подошел падре Джованни:

– Как вам нравится наш город?

– Я обратил внимание, что в городе много итальянцев.

– О да! Но в соседнем Санта Исабелла еще больше.

– И все они ваши прихожане, дон Джованни?

– О нет. Большинство семей приехали сюда после войны. В основном это были сторонники диктатора Муссолини. Многие были неверующими. Но их дети посещают церковь. Хотя есть кое-что, с чем я согласиться не могу. Так, в большом соборе святого Ипполита в Санта Исабелла висит портрет... Кого бы вы думали? Муссолини. На коне. Это ужасно!

– Полностью разделяю ваше мнение. Тем более, что в церкви портреты редки.

Падре только покачал головой.

«Обворожительная синьора Марина» пользовалась всеобщим вниманием и, что странно, не только у мужчин, но и у прекрасного пола. Около нее почти всегда стояли с бокалами два-три гостя или гостьи.

Ко мне подошла супруга директора Торговой палаты синьора Росалиа.

– Вы прекрасно говорите по-итальянски. У вас есть род-

ственники итальянцы? – спросила она по-итальянски.

– Нет. Я просто люблю Италию.

– А разве ее можно не любить?! Я вам это говорю не потому, что итальянка. У нас в городе много итальянцев, и они принимают активное участие в жизни города.

Она начала перечислять влиятельных итальянцев.

– Я слышал, в соседнем городе Санта Исабелла их еще больше.

– О да! Там замечательный собор. Вы должны туда непременно съездить. Если вы потерпите неделю, я с удовольствием вас буду сопровождать. В этом соборе есть картина, где изображен... кто бы вы думали?

– В церкви портреты редки.

– Тем важнее.

– Не томите меня.

– Бенито Муссолини. На коне. Я всегда восхищалась этим замечательным человеком. Он так много сделал для Италии.

– Бесспорно, – согласился я.

И подумал: «В Италии сейчас бы добавили: “По крайней мере, при нем поезда ходили по расписанию”».

– Находятся люди, которые его ругают, – продолжала синьора Росалиа. – Да, да, ругают. Но при нем, по крайней мере, поезда ходили по расписанию.

Гости начали расходиться. Первым откланялся хозяин моей квартиры доктор Бутика.

– Ему далеко идти, – под общий смех пошутил падре.

Когда закрылась дверь за последним гостем, Мальвина прошептала мне в ухо:

– Я узнала имя человека, отправившего эти миллионы. Его зовут Лор Абьер.

12. Лор Абьер

– Я сказала жене управляющего банком, что мы интересуемся всеми богатыми людьми города. «Чем мы можем вам помочь?» – спросила она. Она вела себя, слегка заискивая.

– Это после того, как муж поведал ей, какую скидку я ему намерен сделать.

– Я рассказала ей, что мы хотим найти человека, который несколько месяцев назад перевел из Сан Бартоломеу в Лондон около десяти миллионов долларов. Она удивилась: «Я о таком слышу в первый раз. Мы бы уж знали. Наверное, он переводил деньги не через наш банк». А я продолжала: «Он перевел десять миллионов через ваш банк, а потом отозвал». «И вы хотите найти этого человека, чтобы убедить его вложить деньги в ваше дело?» – догадалась она. «Это правда, – согласилась я. – Мы заинтересованы в том, чтобы он вложил деньги в наше дело или купил у нас “мерседес” с золотой отделкой». Она, естественно, заинтересовалась, что это за чудо. Я ответила, что мы заказали «мерседес» с золотой отделкой и уже в этом году должны получить его. Найти покупателя за восемьдесят пять тысяч долларов очень трудно. Вот

если бы нам удалось быстро продать такую машину... Это было бы не только интересно с финансовой точки зрения, но и стало бы самой лучшей рекламой для нас. Ну, а тот, кто поможет нам организовать эту сделку, получит очень большую скидку, если сам решит приобрести новый «мерседес». Через пять минут она вместе с мужем подошла ко мне: «Вы интересовались человеком, который отправил в Европу большую сумму. Это, наверное, Лор Абиер». «Да, – согласился ее супруг, – скорее всего, это действительно он». И рассказал, что некто по имени Лор Абиер перевел в Европу огромную сумму, «конечно, не десять миллионов, а значительно меньше», но перевод был неправильно оформлен, и деньги вернулись. Кто такой этот Абиер, он не знает. Деньги на счет этого Абиера поступили из First American Bank of Florida в июле, а в августе Абиер перевел их через швейцарский банк Union Suisse Bank в Лондон. Но потом эти деньги возвратились и Абиер вернул их в American Bank of Florida. И вообще синьор директор мало что знает об этом Абиере, все дела вел управляющий отделением в Муньересе. Но, как утверждает супруга синьора директора, этот человек вряд ли заинтересует нас.

– Почему?

– Она толком не объяснила.

Муньерес оказался маленьким селением, запрятанным в горах. Центральная улица с магазинами начиналась сразу за парком. Одноэтажное здание банка соседствовало с магазином игрушек, около которого мы и припарковали машину.

– Можем ли мы говорить с синьором управляющим?

– Синьором Винсенту? – сухо переспросил молодой клерк. Но потом, вперив глаза на радужно улыбающуюся Мальвину, быстро отрапортовал: – Синьор Винсенту больше здесь не работает.

– Давно?

– Не очень... – он снова посмотрел на Мальвину. – Может быть, присядете?..

Мы сели.

– Я сейчас распоряжусь, чтобы принесли кофе.

Он что-то быстро сказал другому такому же молодому клерку, который, глубоко вздохнув, побежал за кофе.

– Он давно не работает? – повторил я вопрос.

– Уже две недели.

– Мы можем найти его дома?

Это спросила Мальвина. Отвечать клерк, скорее всего, не имел права, но отказать такой женщине не смог:

– Неделю назад он уехал.

– Надолго?

– Трудно сказать, любезная синьора. Он заболел и уехал лечиться во Флориду.

Второй клерк принес кофе и, к неудовольствию первого, сел рядом с нами, причем занял более удобную позицию, чем первый. Он сидел немного сверху и мог, если слегка вытянуться, заглянуть за достаточно открытое декольте моей подруги.

И они оба начали рассказывать. Мы узнали, что болезнь у синьора Винсенту тяжелая, и когда он вернется, никто не знает. Узнали, что синьор Винсенту холостяк. Жил один.

– Может быть, спросить у синьора Абиера... – начал я размышлять вслух.

Оба клерка задумались. Потом первый осторожно начал:

– Я не знаю, был ли синьор Винсенту близко знаком с синьором Абиером.

Но его перебил второй:

– Синьор Абиер наш клиент. Очень богатый человек. Но он крайне редко бывает у нас. Я его видел только один раз.

– Если это тот Абиер, которого я знала, – вмешалась Мальвина, как всегда на хорошем английском, – то он за мной когда-то ухаживал.

– Это нетрудно предположить, – начал первый, но его опять перебил второй:

– Синьора не собирается открыть счет в нашем банке?

Синьора не собиралась.

Адрес господина управляющего банком мы нашли в телефонном справочнике. Два одинаковых дома рядом. Вокруг кустарник, цветы. Мы позвонили в дверь с номером, указанным в справочнике. Никто не открывал.

Потом из соседнего дома появился заспанный субъект в длинной белой рубашке.

– Господин Винсенту уехал.

– Когда вернется?

– Нескоро. А может быть, вообще...

– Если не секрет, куда он уехал?

– Какой уж тут секрет! Во Флориду, лечиться.

И опять тот же разговор о болезни. Болезнь тяжелая. Родственников у господина Винсенту нет. Адрес не оставил. Он вообще очень скрытный человек.

– Он уехал неожиданно?

– Нет, нет. Долго собирался. Устроил прощальный вечер. Было много народа. Было очень грустно. Все понимали.

– И синьор Абиер тоже был?

Ни минуты на раздумье.

– Я не знаю синьора Абиера.

– Это друг синьора Винсенту.

Опять ни минуты на раздумье.

– Вероятно, этот синьор живет не в нашем городе. Я его

ни разу не видел у синьора Винсенту.

– Как же все-таки найти новый адрес синьора Винсенту?

– Спросите на почте, не оставлял ли он там...

* * *

На почте, расположившейся в светло-кремовом одноэтажном особняке возле банка, говорили с нами любезно.

– Мы сами беспокоимся, уважаемый синьор. На его имя приходит почта, и мы не знаем, что с ней делать.

– Может быть, обратиться за помощью к синьору Абиеру?

Почтовый работник не знал такого.

Поскольку чары Мальвины на почтового работника, судя по всему, не действовали, разговор продолжил я:

– Вы не могли бы помочь мне с адресом господина Абиера? У меня для него письмо.

Сначала в картотеке рылся чиновник, который с нами разговаривал, потом еще двое, но найти человека с фамилией Абиер они не могли.

С этим мы вернулись домой.

* * *

– Давай отдохнем пару дней, – предложил я.

– Подумаем.

На том и порешили. Правда, отдыха не получилось. Мне пришлось сдавать экзамен на водительские права. Практика – куда ни шло, а с устным пришлось повозиться. Но сдал. Устный экзамен сдала и Мальвина, а практику ей пришлось отложить, и она начала брать уроки вождения.

Через пару дней мы начали набеги на соседние с Муньерес городки. Результата никакого. Решили снова наведаться в банк в Муньересе. По случаю Мальвина приобрела совершенно прозрачную светло-кремовую блузку, сквозь которую четко просвечивал бюстгальтер такого же цвета, закрывавший только самую малость бюста.

Оба клерка оказались на месте.

– Синьор Абиер не появлялся?

– Нет.

Оба клерка выглядели расстроенными.

– Интересно, какой он сейчас? Я видела его в последний раз лет эдак... – Мальвина немного подумала и махнула рукой. – Да уж, пожалуй, больше десяти.

Я прикинул, что ей самой десять лет назад было не больше двенадцати и ухаживать за ней мог только злостный педофил. Но Мальвину подсчет годов не смущал:

– Он, наверное, постарел. Он уже носит очки?

– Пожалуй, нет, – неуверенно произнес тот, кого мы называли «второй клерк». – Я вообще видел его один раз.

– А я ни разу, – «первый клерк» был явно расстроен тем, что не может помочь такой красивой даме.

Дома мы подготовили вопросы и Мальвина спросила:

– Он по-прежнему красит волосы?

– Не знаю, я не обратил внимания. Но, кажется, у него волосы темные. Да, темные. Я еще подумал, фамилия нелатинская, а похож на латинца.

– Да, он похож на латинца, – обрадовалась Мальвина.

– Не знаю, как сейчас, но тогда... Я помню, он мне обещал отпустить усы.

– Нет, усов он не отпустил.

– Так и ходит без усов и бороды?

– Да.

– И не растолстел?

– Растолстел. Но не очень.

– Но чуть-чуть пополнеть ему бы не мешало. Он бы стал более представительным. Я его представляю с сигарой. Он был с сигарой?

– Нет, он не курил.

Дальше вмешался я, и мы немного поговорили о трубках и табаке.

Потом еще одна домашняя заготовка.

– Когда я видела его в последний раз, у меня не сложилось впечатление, что он знает португальский. А он говорил по-португальски?

Парнишка оживился. Чувствовалось, здесь ему есть что сказать:

– Он говорил по-испански. У него аргентинский акцент.

И потом опять разговоры о городе, о синьоре Винсенту, который был не таким уж хорошим, как многие полагают.

И последний вопрос задал я:

– Я хочу перевести моему знакомому сто тысяч долларов. Вы можете мне помочь?

– Нужно иметь эти деньги на счету в нашем банке, – ответил «первый клерк».

– Обязательно в вашем отделении?

Ответил «второй клерк».

– Нет. Вы можете положить эту сумму в любом отделении нашего банка. Потом вы можете прийти к нам и сообщить, что намереваетесь перевести эти деньги. Мы попросим вас заполнить формуляр и предложим придти через три дня. Мы направим этот формуляр в Центральное отделение в Рио и, если ваша подпись совпадет с подписью, которую вы оставили когда открывали счет...

– И если на этом счету будет достаточная сумма, – вставил «первый клерк».

– И если при открытии счета не было оговорено каких-либо дополнительных условий для перевода больших сумм, тогда мы попросим вас назвать банк и номер счета, на который вы собираетесь перевести деньги. Если этот банк – клиент «Банку ду Брезил», то проблема решена. Если нет, то мы найдем банк-посредник.

– Но главное – иметь деньги, – закончил тему «первый клерк».

Приехав домой, мы подытожили.

Некто, назвавшийся Лором Абиером, явился в отделение «Банку ду Брезил» в местечке Муньерес вблизи города Сан Бартоломеу и сделал перевод со своего счета в швейцарский банк для дальнейшей оплаты господину Янаеву. Для того, чтобы сделать этот перевод, он должен был по меньшей мере два раза посетить это отделение. Деньги до Янаева не дошли, что-то было неправильно оформлено. Как об этом сообщили синьору Абиеру, нам неизвестно.

Что нам удалось узнать о синьоре Абиере? Возраст и рост неизвестен. Волосы черные, очков не носит, нет ни бороды, ни усов. Говорит по-испански с аргентинским акцентом. Португальским, судя по всему, не владеет. И все.

– Почему ты называешь его синьором? Он скорее всего «герр Абиер», – предположила Мальвина.

Чтобы не обращать внимания на наш интерес к этому «герру», мы решили на время прекратить поиски. Однако через несколько дней убедились, что наша заинтересованность Абиером для многих в этом городе не секрет.

13. Обед

Позвонил директор торговой палаты и пригласил нас на обед.

На обеде знакомых не было. Нас представили владельцу завода по переработке фруктов, известному в городе докто-

ру, директору местной радиостанции и владельцу центральной аптеки. Все были с женами.

За столом говорили обо всем, о чем говорят в подобных случаях. За шампанским хозяин поднял тост за нас с Мальвиной, пожелав нам успехов в бизнесе.

Кофе пили на лужайке, освещенной фонариками в китайском стиле.

Где-то тихо звучала музыка. Два официанта разносили кофе и коньяк. Ко мне подошел хозяин:

– Я наслышан, что вы ищете некоего синьора.

Пришлось признаваться.

– Да. И найти не могу.

– Его зовут...

– Лор Абиер.

– Да, да, Лор Абиер. Должен вам признаться, я хотел сделать вам сюрприз и найти его. Я попросил синьора Куэлью, начальника нашей полиции, помочь мне. И, к сожалению, должен вам сообщить, что даже он с его возможностями – а возможности у него большие – помочь мне не смог.

После этого мне необходимо было объяснить, кто этот Абиер и почему я его ищу.

– Синьор Абиер очень богатый человек. Он знаком с родственниками моей супруги. Через них он высказал готовность помочь мне в организации бизнеса в одном из южных бразильских городов. Конечно, я сам располагаю достаточными средствами, но дополнительные вливания...

– Да, да, конечно, это понятно. И он помог вам выбрать наш город?

– Да, он сказал, что сам подумывает осесть здесь. Но, как видите, его здесь нет. Или пока нет.

– Он был здесь. И это действительно богатый человек.

Ну, конечно, он все проверял и знает про 10 миллионов.

Он продолжал:

– Вы знакомы с ним?

– Нет. Я даже ни разу его не видел.

– А ваша супруга?

– Тоже нет.

– Вы можете найти его?

Это походило на допрос. Уж не служит ли любезный сеньор в полиции?!

– Да, конечно. Я напишу родственникам моей супруги.

– Его отсутствие отразится на вашем бизнесе?

Конечно, это был самый важный вопрос. Я вздохнул:

– Бесспорно. Я уже закупил десять «мерседесов». Пока всего десять. И на время ограничусь этим. Сначала нужно привести в порядок салон.

– Стало быть, открывать салон вы будете?

– Не вижу препятствий.

Итак, он узнал, что я ищу человека, который обещал субсидировать мое предприятие, и хотел узнать, есть ли у меня самого средства для открытия салона. Другими словами, его, да и не только его, интересовал я, кто я такой: пустыш-

ка, надеющийся на деньги богатого спонсора, или самостоятельный бизнесмен. Думаю, он остался доволен нашим разговором.

А ночью, когда мы ложились спать, Мальвина спросила.

– Не пора ли кончать с этим Абиером? Зачем он нам нужен? Денег он нам не принесет. Или ты думаешь, что, если мы его найдем, нам заплатят? Ошибаешься.

– Во-первых, я уверен, что мы его не найдем. Во-вторых, даже если найдем, нам не заплатят.

– Так зачем мы лезем из кожи вон? Настораживаем местную знать. Сдался тебе этот Павел Михайлович!

– Видишь ли, я повязан с этими людьми. Они когда-то командовали мною. Они меня направили сюда.

– Сейчас другое время. Эти люди уже ничего не могут. Они проиграли. Они говорят красивые слова. А за словами только одно: деньги, достать побольше денег. Если они уж такие идейные, то где они были год назад? Нет, Женя, самый ненадежный тип людей – это проигравшие. От них надо держаться подальше.

Разговор меня удивил и обрадовал. Я не мог до конца отделаться от мысли, что Мальвину мне подставили в качестве надзора и что она – их человек. Правда, все это могло быть, но теперь другой расклад. Теперь она хочет избавиться от них. Что ж, это понятно.

– У нас есть деньги. Мы должны открыть дело. Должны научиться зарабатывать. И забыть про всех этих павлов Ми-

хайловичей.

– Он может объявиться.

– Если мы найдем Абиера. А мы, если я правильно понимаю, закончили поиски.

– Да, конечно, закончили.

Однако дело Абиера мы не закончили.

14. Падре

Через несколько дней, когда мы с Мальвиной мирно прогуливались по набережной, возле нас затормозил старенький «форд». За рулем сидел падре Джованни. Я хотел подойти к нему, но святой отец сам проворно выскочил из машины. Весело поздоровавшись, он заговорщически обнял меня:

– Вы ищите Лоренцо Абиера. Всех спрашивали, а про церковь забыли. А никто как церковь не заботится о душах...

Итак, падре знал о существовании Абиера и, более того, знал его полное имя.

– Вы сказали «души», дон Джованни. Значит, он уже прошел печальный обряд в вашем соборе.

– Нет, не прошел, – падре улыбался.

– Но...

– Вы долгое время жили в странах, где церковь не занимает большого места в жизни прихожан. Поэтому и искали этого Абиера в светских учреждениях. А искать надо было на кладбище. В Муньересе, который вы изъездили вдоль и

поперек, где поговорили со всеми, кто мог бы знать этого человека, вы забыли одно место: кладбище.

– Он погребен на кладбище в Муньересе?

– А вот этого я не говорил!

– Но...

– Я сказал, что надо было бы заглянуть на кладбище в Муньересе.

– Но если он не похоронен...

– В том-то и дело. Там есть надгробный памятник, где написано, что синьор Лоренцо Абиер родился в 1899 году и умер в возрасте девяносто трех лет.

Я начал считать.

– В таком случае он должен был умереть... Он должен был умереть... в следующем году.

– Верно. На памятнике так и написано: скончался в 1992 году.

– Другими словами, сейчас он еще жив и намеревается скончаться через год. Предусмотрительный человек.

– Многие люди, особенно в преклонном возрасте, еще при жизни, заказывают себе памятники. – Теперь дон Джованни был серьезен. – Это рутинное дело. Правда, обычно дата кончины не упоминается.

– Но здесь упомянута.

– Не стоит удивляться. Некоторые люди суеверны. Они ставят в качестве даты своей кончины только им понятное число. Им можно простить этот небольшой порок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.